

В) По части личного состава академических преподавателей: 1) Предложить подать въ мѣсячный срокъ прошенія объ увольненіи отъ службы: а) экстраординарнымъ профессорамъ С. Петербургской академіи по кафедрѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ и исторіи русской литературы Дмитрію Абрамовичу и по кафедрѣ церковнаго права Владиміру Бенешевичу, б) экстраординарному профессору Московской академіи по кафедрѣ библейской исторіи Александру Покровскому и исправляющему должность доцента по кафедрѣ греческаго языка и его словесности Дмитрію Коновалову и в) ординарному профессору Казанской академіи по кафедрѣ Русской гражданской исторіи Θεодору Благовидову и экстраординарному профессору по кафедрѣ исторіи и обличенія ламаиства и монгольскаго языка священнику Іоанну Попову, а также экстраординарному профессору этой же академіи по кафедрѣ логики и психологіи Александру Потѣхину, по болѣзни его, съ предупрежденіемъ всѣхъ поименованныхъ лицъ, что въ случаѣ неподачи прошеній въ означенный срокъ они будутъ уволены безъ прошеній.— 2) За состоявшимся увольненіемъ, согласно прошеніямъ, ординарнаго профессора С. Петербургской академіи по кафедрѣ Русской церковной исторіи Николая Никольскаго отъ службы въ академіи и экстраординарнаго профессора Кіевской духовной академіи по кафедрѣ Св. Писанія Ветхаго Завѣта Владиміра Рыбинскаго отъ должности инспектора академіи, съ оставленіемъ его профессоромъ, въ новое сужденіе о сихъ профессорахъ не входитъ. 3) Въ виду сомнѣній, возбуждаемыхъ въ читателяхъ богословскими сочиненіями ординарнаго профессора Московской академіи по кафедрѣ нравственнаго богословія Михаила Тарѣева, потребовать отъ него представленія въ Святѣйшій Синодъ къ 1-му октября сего года краткаго изложенія системы его богословствованія. 4) Потребовать отъ доцента Кіевской академіи по кафедрѣ психологіи Пвана Четверикова, чтобы онъ къ тому же сроку представилъ въ Святѣйшій Синодъ курсъ своихъ лекцій, и за симъ имѣть сужденіе по вопросу о возможности оставленія его на службѣ при академіи. 5) Отъ экстраординарнаго профессора Московской академіи по кафедрѣ теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ Городенскаго потребовать подписку о непринадлежности его къ пеузаконеннымъ

Правительствомъ политическимъ партіямъ. 6) Предложить доценту той-же академіи по кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола Илиі Громогласову немедленно оставить занятія въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, обязавъ его болѣе серьезно относиться къ преподаваемой имъ въ академіи наукѣ. 7) Сдѣлать внушеніе профессорамъ Кіевской духовной академіи ординарному по кафедрѣ Русской гражданской исторіи Владиміру Завитневичу и экстраординарнымъ по кафедрѣ нравственнаго богословія Василию Экземплярскому и по кафедрѣ исторіи философіи Петру Кудрявцеву за ихъ незаконномѣрныя отношенія къ студентамъ во время бывшихъ учебныхъ забастовокъ и сходокъ. 8) Предложить профессору Завитневичу отказаться отъ завѣдыванія частными курсами, отвлекающаго его отъ его прямыхъ профессорскихъ обязанностей. 9) Поручить Вашему Преосвященству представить Святѣйшему Синоду свой отзывъ о томъ, признается ли удобнымъ вообще или при какихъ-либо ограничительныхъ условіяхъ проживаніе преподавателей Московской духовной академіи въ г. Москвѣ, а не въ Сергіевомъ посадѣ.

Г) По хозяйственной части академій. Въ виду обнаруженныхъ при ревизіи означенной части въ академіяхъ неурядковъ и уиущеній, предписать Правленіямъ академій неукоснительно руководствоваться въ своихъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ подлежащими статьями академическаго Устава, Счетнымъ Уставомъ мѣстъ и властей вѣдомства Святѣйшаго Синода и отдѣльными распоряженіями Святѣйшаго Синода и его органовъ.—Въ частности: 1) Подтвердить Правленіямъ академій, чтобы въ представляемыя ими смѣты вносились всѣ безъ исключенія суммы, ожидаемыя къ поступленію въ смѣтномъ году. 2) Вмѣнить Правленіямъ въ обязанность, во всемъ составѣ, слѣдить за неуклоннымъ соблюденіемъ ведущими книги лицами существующихъ на сей предметъ узаконеній. 3) Подтвердить Правленіямъ о своевременномъ производствѣ періодическихъ освидѣтельствованій находящихся въ ихъ распоряженіи суммъ (ежемѣсячно) и имущества (по полугодіямъ) съ представленіемъ о результатахъ таковыхъ освидѣтельствованій надлежащихъ актовъ на разсмотрѣніе подлежащей власти. 4) Предписать Правленіямъ слѣдить за надлежащимъ составленіемъ, по-

вѣркю и храненіемъ приходорасходныхъ документовъ и вообще бумагъ, до хозяйственной части относящихся, сообразно съ требованіями академическаго Устава, специальныхъ распоряженій центральной власти, уставовъ счетныхъ, а въ отношеніи вѣшной стороны дѣлопроизводства—надлежащихъ статей устава губернскихъ учрежденій. 5) Вънѣнить Правленіямъ въ обязанность, во всемъ ихъ составѣ и за совокупной отвѣтственностью, слѣдить за своевременнымъ и въ надлежащемъ количествѣ поступленіемъ доходовъ, записью ихъ на приходъ въ приходо-расходныя книги, надлежащимъ храненіемъ и своевременнымъ освидѣтельствомъ, согласно съ существующими на сей предметъ общими и частными узаконеніями, отнюдь не возлагая сей обязанности исключительно на Предсѣдателя Правленія или только на эконома. 6) Предписать Правленіямъ, въ случаѣ производства расходовъ, входить, при неуклонномъ соблюденіи всѣхъ существующихъ на сей предметъ узаконеній, въ обсужденіе и оцѣнку расходовъ по существу, т. е. съ точки зрѣнія ихъ необходимости, своевременности, и наивозможной выгоды, въ особенности же слѣдить за тѣмъ, чтобы не были производимы расходы, на покрытіе коихъ не имѣется надлежащихъ кредитовъ. Въ случаѣ необходимости произвести таковой расходъ, прежде производства онаго, испрашивать у подлежащаго центрального учрежденія открытія дополнительнаго кредита или же разрѣшенія покрыть расходъ за счетъ имѣющихся въ распоряженіи Правленія кредитовъ, хотя бы и свободныхъ, но имѣвшихъ иное назначеніе,—сообразно съ дѣйствующими смѣтными правилами. 7) Поручить Правленіямъ ежегодно входить въ обсужденіе вопроса о наиболѣе выгодномъ по мѣстнымъ и временнымъ условіямъ способѣ заготовки потребныхъ для нуждъ заведенія продуктовъ и матеріаловъ; въ случаѣ признанія за болѣе выгодное приобрѣтенія продуктовъ чрезъ торги,—кромѣ соблюденія всѣхъ существующихъ на сей предметъ требованій закона,—по возможности входить въ соглашеніе съ Правленіями прочихъ духовно-учебныхъ заведеній, сосредоточенныхъ въ томъ же городѣ, на предметъ производства общихъ торговъ на заготовленіе припасовъ и матеріаловъ, во исполненіе опредѣленія Святѣйшаго Синода отъ 26 го Октября—14-го Декабря 1860 года за № 2314. Въмѣстѣ съ

симъ подтвердить Правленіямъ, что при поступленіи продуктовъ, какъ поставляемыхъ подряднымъ способомъ, такъ и заготавливаемыхъ способомъ хозяйственнымъ, крупныя партіи должны быть принимаемы Правленіемъ въ полномъ его составѣ и сопровождаемы составленіемъ надлежащихъ пріемочныхъ актовъ, при мелкихъ же поставкахъ долженъ присутствовать хотя кто-либо одинъ изъ членовъ Правленія, а равно не должно обходиться безъ контроля Правленія храненіе припасовъ и выдача оныхъ изъ академическихъ запасовъ для потребленія. 8) Обязать Правленія слѣдить за надлежащимъ состояніемъ вѣрныхъ ихъ охраненію академическихъ зданій и въ случаѣ обнаруженія какихъ либо неисправностей немедленно приступать къ устраненію ихъ, не доводя зданій до полного разрушенія. Для обезпеченія же наличности необходимыхъ для своевременнаго ремонта средствъ, при составленіи годичной смѣты, производить подробный осмотръ зданій и входить въ обсужденіе вопроса о ремонтныхъ работахъ, производство коихъ необходимо въ смѣтномъ году, стоимость каковыхъ и вносить въ смѣту, съ подробнымъ указаніемъ предполагаемыхъ работъ и ихъ расцѣнкою. 9) Предписать Правленіямъ академій при составленіи экономическихъ отчетовъ строго сообразоваться съ утвержденною для оныхъ формою и показывать въ отчетахъ обороты всѣхъ безъ исключенія капиталовъ, находившихся въ отчетномъ году въ распоряженіи Правленій, причемъ всѣ суммы, поступающія на удовлетвореніе потребностей заведенія, предусмотрѣнныхъ смѣтою, показывать по отчетамъ въ рубрикѣ смѣтныхъ поступленій, независимо отъ ихъ количества и источниковъ. При распредѣленіи статей прихода и расхода по рубрикамъ руководствоваться существомъ доходовъ и расходовъ, а не заносить въ статьи произвольно въ ту или другую рубрику отчета Въ прилагаемыхъ къ отчетамъ счетахъ показывать продукты (а также разные матеріалы, и т. п.) не только тѣ, стоимость коихъ оплачена въ отчетномъ году, но всѣ безъ исключенія продукты, поступившіе за годъ въ распоряженіе Правленія, хотя бы часть стоимости оныхъ и была оставлена по тѣмъ или инымъ причинамъ безъ оплаты до слѣдующаго года, причемъ послѣднее обстоятельство должно быть оговорено и мотивировано въ особыхъ примѣчаніяхъ. Сверхъ упомянутыхъ счетовъ,

къ отчетамъ прилагать вѣдомости со свѣдѣніями о томъ: сколько въ теченіе года содержалось пищею студентовъ и служителей, б) сколько студентовъ снабжено одеждою, обувью и какою именно, в) сколько отапливалось печей и очаговъ, г) сколько освѣщалось разнаго рода помѣщеній и какое число студентовъ и служителей помѣщалось въ нихъ, д) сколько пользовалось студентовъ въ больницѣ и е) сколько и у какого дѣла находилось служителей. За отсутствіемъ же для перечисленныхъ выше вѣдомостей утвержденныхъ нормъ, поручить Контролю при Святѣйшемъ Синодѣ выработать таковыя. 10) Ревизію отчетовъ по содержанію духовныхъ академій изъять изъ компетенціи Временныхъ Ревизіонныхъ Комитетовъ и передать оную непосредственному вѣдѣнію Контроля при Святѣйшемъ Синодѣ. 11) Потребовать отъ Правленія Московской духовной академіи представленія къ 1-му Августа сего года объясненія относительно отсутствія оправдательныхъ документовъ въ израсходованіи свыше 24000 рублей негласныхъ суммъ.

Въ заключеніе Святѣйшій Синодъ долгомъ себѣ поставяетъ напомнить учащимъ и учащимся нашихъ академій, что настоящее время предъявляетъ къ нимъ особливо высокія требованія. Открытыя нападенія на истины нашей вѣры нашли себѣ теперъ широкое мѣсто въ общественной жизни, и бороться съ ними невозможно безъ высшихъ научныхъ познаній богословскихъ, а таковыя нигдѣ систематически не преподаются въ нашей отечественной Церкви, кромѣ четырехъ духовныхъ академій, и отъ нихъ Церковь ждетъ содѣйствія въ борьбѣ съ враждебными ей теченіями. На академіи болѣе, чѣмъ на какія-либо иныя учрежденія, падаетъ отвѣтственность за всѣ тѣ погибающія въ невѣрїи души, которыя не могли найти въ нашей наукѣ и ея представителей убѣжденнаго и сильнаго опроверженія новѣйшихъ лжеученій, ни достаточно яснаго обоснованія божественныхъ истинъ нашего вѣроисповѣданія. Пусть же это сознаніе нравственной отвѣтственности предъ Богомъ и людьми, преимущественно предъ всякими распоряженіями начальства, воодушевитъ тружениковъ науки,—учащихъ и учащихся, къ нелѣпному выполненію ихъ высокаго долга. О вышензложенномъ опредѣленіи Святѣйшаго Синода предоставитъ Г. Синодальному Оберъ-Прокурору довести до свѣдѣнія Государя Импера-

тора и для зависящихъ къ исполненію распоряженій послать указы: Митрополиту С.-Петербургскому, Вашему Преосвященству, Митрополиту Кіевскому и Архіепископу Казанскому“.

Справка: 1) Изложенныя въ п. п. 1, а, 3, 5 и 6 означеннаго указа (по части личнаго состава академическихъ преподавателей) предписанія Святѣйшаго Синода сообщены были г.г. профессорамъ и преподавателямъ Академіи—*Д. Г. Коновалову, А. И. Покровскому, М. М. Таръеву, Н. Г. Городенскому и И. М. Громогшизову* предложеніями Преосвященнаго Ректора Академіи отъ 26 іюня с. г. за №№ 283—287.

2) Во исполненіе оныхъ поступили 24 и 27 іюля на имя Совѣта Академіи нижеслѣдующія прошенія:

а) Экстраординарнаго профессора по каедрѣ библейской исторіи *А. И. Покровскаго*.

„Переживая въ настоящее время тяжелое нервное расстройство и не предвидя скорой возможности освободиться отъ него, я не имѣю силъ съ прежнимъ усердіемъ и ревностью продолжать нести свои сложныя и отвѣтственныя обязанности, какъ по званію профессора библейской исторіи, такъ и по должности редактора академическаго журнала „Богословскій Вѣстникъ“. Поэтому съ чувствомъ глубокой скорби и живой сердечной благодарности своей almae matris, я вынужденъ просить объ освобожденіи меня отъ всѣхъ, лежащихъ на мнѣ, обязанностей академической службы.

Одновременно съ этимъ, во вниманіе къ тяжелой формѣ моей нервной болѣзни, лишающей меня возможности работать, прошу ходатайства Академіи предъ Святѣйшимъ Синодомъ о назначеніи мнѣ соотвѣтствующей послѣдней службѣ пенсіи, по сокращенному сроку“.

б) Исправляющаго должность доцента Академіи по каедрѣ греческаго языка и его словесности и лектора французскаго языка *Д. Г. Коновалова*.

„Вслѣдствіе постановленія Святѣйшаго Синода отъ 16 іюня текущаго года о лишеніи меня ученой степени магистра богословія, присужденной мнѣ Совѣтомъ Московской Духовной Академіи въ публичномъ засѣданіи 24 октября 1908 года за сочиненіе подъ заглавіемъ „Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектанствѣ“, я утрачиваю право дальнѣйшаго преподаванія въ Академіи. Въ виду этого, покор-

нѣйше прошу Совѣтъ Академіи возбудить ходатайство предъ Святѣйшимъ Синодомъ о разрѣшеніи мнѣ, оставаясь на академической службѣ, представить не позднѣе 15 августа 1909 года новую магистерскую диссертацию, имѣющуюся у меня въ рукописи и озаглавленную: „Ученіе Св Кирилла Александрійскаго о Лицѣ Богочеловѣка“, или въ теченіе слѣдующаго учебнаго года—прежнюю диссертацию въ дополненномъ и переработанномъ видѣ. Если же это окажется не пріемлемымъ, то прошу ходатайствовать объ увольненіи меня отъ службы при Московской Духовной Академіи, съ назначеніемъ единовременнаго денежнаго пособія въ размѣрѣ получаемаго мною годоваго оклада, т. е. 1800 рублей“.

Означенныя прошенія, въ виду невозможности устроить до 1 августа собраніе Совѣта Академіи, за выбытіемъ большинства членовъ оваго въ каникулярный отпускъ, и. д. Ректора Академіи проф. А. П. Шостынымъ препровождены были, при представленіяхъ отъ 24 и 27 іюля за №№ 344 и 346, Его Высокопреосвященству, для представленія Святѣйшему Синоду.

3) Подписка экстраординарнаго профессора Академіи Н. Г. Городенскаго о непринадлежности его къ неузаконеннымъ Правительствомъ политическимъ партіямъ, отъ 16 іюля с. г. препровождена была, для той же цѣли, Его Высокопреосвященству при представленіи Преосвященнаго Ректора Академіи отъ 17 августа за № 378.

4) По § 94 лит. в п. 5 устава духовныхъ академій, „дѣла о назначеніи пенсій и пособій служащимъ при академіи“ значатся въ числѣ дѣлъ *Правленія Академіи*, представляемыхъ, чрезъ Епархіальнаго Преосвященнаго, на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Указъ Святѣйшаго Синода принять къ исполненію и руководству 2) Дѣло объ исходатайствованіи пенсіи по сокращенному сроку экстраординарному профессору А. И. Покровскому и единовременнаго пособія и. д. доцента Академіи Д. Г. Коновалову передать въ Правленіе Академіи

II. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1909 г. Іюня 18. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 16 іюня за № 8785:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленный Преосвященнымъ Волынскимъ Антоніемъ, во исполненіе порученія Святѣйшаго Синода, отзывъ, отъ 8 сего іюня, о сочиненіи исправляющаго должность доцента Московской духовной академіи *Дмитрія Коновалова* подъ заглавіемъ: „Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ. Часть I. Выпускъ I Физическія явленія въ картинѣ сектантскаго экстаза“, за каковое сочиненіе авторъ удостоенъ Совѣтомъ названной академіи, 24 октября 1908 года, степени магистра богословія. Приказали: Усматривая изъ отзыва Архіепископа Антонія, что названная магистерская диссертация Дмитрія Коновалова, какъ не имѣющая богословскаго характера, совершенно не удовлетворяетъ требованіямъ, обязательнымъ, по утвержденнымъ Синодальнымъ опредѣленіемъ 13—31 января 1889 г. правиламъ, для сочиненій, представляемыхъ на соисканіе ученыхъ богословскихъ степеней, и что въ тѣхъ отдѣлахъ диссертации, гдѣ патологическія явленія сектантскаго экстаза сопоставляются съ проявленіями истинной боговдохновенности и богослужебными дѣйствіями въ древнехристианской церкви, заключаются сужденія не только неприемлемыя для православно-богословской науки, но и соблазнительно-кощунственныя, Святѣйшій Синодъ, какъ высшій блюститель православнаго направленія академической науки, признаетъ магистерскую диссертацию Коновалова несоотвѣтствующею задачамъ духовно-академическаго образованія и потому опредѣляетъ: 1) постановленіе Совѣта Московской академіи, отъ 24 октября 1908 года, объ удостоеніи Коновалова за означенное сочиненіе степени магистра богословія отмѣнить и 2) поставить Совѣту академіи на видъ его неосмотрительность въ принятіи на соисканіе богословской степени и въ одобреніи, чрезъ присужденіе этой степени авторитетомъ высшей православно-богословской школы, сочиненія, въ содержаніи котораго имѣется несоотвѣтствіе съ ученіемъ Православной Церкви и научная цѣнность коего вообще самаго невысокаго достоинства; о чемъ, для зависящаго исполненія, послать указъ Вашему Преосвященству“.

б) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1909 г. Авг. 11 Въ Совѣтъ Московской Духовной

Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 7 августа за № 10713:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшіи Правительствующіи Синодъ слушали: предложенную Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ объяснительную записку исправляющаго должность доцента Московской духовной академіи *Дмитрія Коновалова*, отъ 15 іюля сего года, въ коей, полагая, что причиною послѣдовавшаго отъ Святѣйшаго Синода предложенія ему уволиться отъ службы при академіи послужилъ неблагопріятный отзывъ Архіепископа Волынскаго Антонія о магистерской диссертациі его „Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектанствѣ“ и представляя свои объясненія по поводу сего отзыва, проситъ разрѣшить ему, продолжая академическую службу, дополнить и переработать въ теченіе 1909—10 учебнаго года означенную диссертацию, или представить теперь же, не позднѣе 15 Августа 1909 года, новую имѣющуюся у него въ рукописи диссертацию, озаглавленную „Ученіе Св. Кирилла Александрійскаго о Лицѣ Богочеловѣка“. Приказали: 1) За состоявшимся опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 15 іюня сего года за № 5208, коимъ, между прочимъ, постановлено предложить исправляющему должность доцента Московской духовной академіи Дмитрію Коновалову подать прошеніе объ увольненіи отъ службы въ академіи, настоящую просьбу Коновалова о разрѣшеніи ему продолжать эту службу—отклонить и 2) объявить Коновалову, что со стороны Святѣйшаго Синода не встрѣчается препятствій къ представленію имъ, Коноваловымъ, ученаго труда для полученія степени магистра богословія, согласно дѣйствующимъ на сей предметъ правиламъ: о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ.“

Опредѣлили: Указы Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію и руководству, сообщивъ содержаніе оныхъ и. д. доцента Академіи Д. Г. Коновалову.

III Славный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1909 г. Авг. 18. Въ Совѣтъ Московской Дух. Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 14 августа за № 10940:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣй-

шіи Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе по дѣлу о лицахъ изъ состава преподавателей духовныхъ академій, коимъ, по опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 15 іюня сего года за № 5208, состоявшемуся на основаніи данныхъ по ревизіи академій, было предложено подать въ мѣсячный срокъ прошенія объ увольненіи отъ службы. И, по справкѣ, приказали: Въ виду того, что всѣ поименованныя въ справкѣ лица изъ состава преподавателей С.-Петербургской, Московской и Казанской духовныхъ академій, по представленнымъ Митрополитомъ С.-Петербургскимъ, Вашимъ Преосвященствомъ и Архіепископомъ Казанскимъ свѣдѣніямъ, подали своевременно, до истеченія мѣсячнаго срока со дня объявленія имъ вышеупомянутаго опредѣленія, прошенія объ увольненіи ихъ отъ академической службы, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: уволить отъ духовно-учебной службы, согласно прошеніямъ, а) экстраординарныхъ профессоровъ С.-Петербургской духовной академіи по кафедрѣ русскаго и церковно-славянскаго языка и исторіи русскаго языка Дмитрія Абрамовича и сверхштатнаго—по кафедрѣ церковнаго права Владиміра Бенешевича, б) экстраординарнаго профессора Московской духовной академіи по кафедрѣ библейской исторіи *Александра Покровскаго* и исправляющаго должность доцента въ той же академіи по кафедрѣ греческаго языка и его словесности *Дмитрія Коновалова*, в) ординарнаго профессора Казанской духовной академіи по кафедрѣ русскаго гражданскаго исторіи Федора Благовидова, экстраординарнаго профессора той же академіи по кафедрѣ логики и психологіи Александра Потѣхина и таковаго же сверхштатнаго профессора по кафедрѣ исторіи и обличенія ламайства и монгольскаго языка священника Юанна Попова, изъ нихъ Потѣхина—по болѣзни, съ 16 августа сего года; о чемъ послать Преосвященному Митрополиту С.-Петербургскому, Вашему Преосвященству и Архіепископу Казанскому указы“.

Опредѣлили: О послѣдовавшемъ увольненіи отъ духовно-учебной службы Коллежскаго Совѣтника А. П. Покровскаго и кандидата богословія Д. Г. Коновалова сообщить поименованнымъ лицамъ, съ выдачею имъ установленныхъ аттестатовъ о службѣ, и Правленію Академіи—для зависящихъ распоряженій.

IV. Разсуждали о распредѣленіи лекцій и учебныхъ часовъ въ Академіи на 1909—1910 учебный годъ, при чемъ было выслушано прошеніе ординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ метафизики и логики **А. П. Введенскаго** слѣдующаго содержанія:

„Вслѣдствіе вызова въ Петербургъ, для участія въ занятіяхъ образованной при Святѣйшимъ Синодѣ Коммисіи по выработкѣ проекта новаго академическаго устава, я не могу читать въ Академіи лекцій въ первую половину наступающаго учебнаго года. Ко второй половинѣ года, предположительно, я буду свободенъ отъ занятій въ Коммисіи; но конечно, въ полугодіе я могъ бы изложить моимъ слушателямъ не законченныя системы преподаваемыхъ мною наукъ Метафизики и Логики, а лишь отрывки изъ нихъ. Въ виду сего, прошу Совѣтъ Академіи отложить прочтеніе мною студентамъ вновь образованнаго перваго курса лекцій по Метафизикѣ и Логикѣ до слѣдующаго учебнаго года, обязавъ ихъ, въ замѣнъ того, въ наступающемъ учебномъ году прослушать лекціи по какому-либо другому предмету“.

Справка: §§ 81 лит. а. п. 2 и 118—120 устава духовныхъ академій и вышенприведенный указъ Святѣйшаго Синода отъ 18 іюня с/г. за № 8943.

Опредѣлили: 1) Сообщить ординарному профессору **А. П. Введенскому**, что въ виду послѣдовавшаго (указомъ Святѣйшаго Синода отъ 18 іюня с/г. за № 8943) запрещенія совмѣстнаго слушанія лекцій по тому или другому предмету студентами нѣсколькихъ курсовъ, чего нельзя будетъ избѣжать при возвращеніи съ 1910—1911 учебнаго года преподаванія метафизики и логики обратно на I курсъ, гдѣ для нихъ—наиболѣе удобное мѣсто по плану преподаванія, рекомендуемому § 119 академическаго устава,—Совѣтъ Академіи призналъ необходимымъ оставить лекціи метафизики и логики въ росписаніи I курса, и предложить ему въ текущемъ 1909—1910 учебномъ году, въ виду экстренныхъ обстоятельствъ, прочесть студентамъ этого курса сокращенный курсъ лекцій по тому и другому предмету.—2) Распредѣлить лекціи и учебные часы въ Академіи по слѣдующей таблицѣ ¹⁾:

---

¹⁾ При печатаніи внесены въ росписаніе лекцій и позднѣйшія измѣненія

Распределение лекцій въ Московской Духовной Академіи на 1909—1910 учебный годъ.

		Первый курсъ.	
дни	часы	I	II.
Понедѣльникъ	9—10	Библейская Введеніе въ кругъ Введеніе въ кругъ Еврейскій Еврейскій	исторія
	10—11		богословскихъ наукъ
	11—12		богословскихъ наукъ
	12—1		языкъ
	1—2		языкъ
Вторникъ	9—10	Библейская Введеніе въ кругъ Введеніе въ кругъ . .	исторія
	10—11		богословскихъ наукъ
	11—12		богословскихъ наукъ
	12—1		Древняя гражд. исторія
	1—2		Древняя гражд исторія
Среда	9—10	Новые Новые Библейская Древніе Древніе	языки
	10—11		языки
	11—12		исторія
	12—1		языки
	1—2		языки
Четвергъ	9—10	Новые Новые Библейская Мета Мета	языки
	10—11		языки
	11—12		исторія
	12—1		физика
	1—2		физика
Пятница	9—10	Мета Мета . Теорія слов и исторія ии литер Теорія слов и исторія ии литер.	физика
	10—11		физика
	11—12		.
	12—1		Новая гражд исторія
	1—2		Новая гражд исторія
Суббота	9—10	. Теорія слов и исторія ии литер Теорія слов и исторія ии литер . .	Новая гражд исторія
	10—11		Новая гражд. исторія
	11—12		.
	12—1		Древняя гражд исторія
	1—2		Древняя гражд исторія

Распределение лекцій въ Московской Духовной Академіи на 1909—1910 учебный годъ.

		Второй курсъ.	
дни	часы.	I	II
Понедѣльникъ	9—10	Библейская	археологія
	10—11	Библейская	археологія
	11—12		
	12—1	Русск и церк-славянск языки	
	1—2	Русск и церк-славянск языки	
Вторникъ	9—10		
	10—11	Русск и церк-славянск языки	
	11—12	Русск и церк-славянск языки	
	12—1	Психологія	логія
	1—2	Психологія	логія
Среда	9—10	Древніе языки	
	10—11	Психологія	логія
	11—12	Психологія	логія
	12—1	Патристика	стика
	1—2	Патристика	стика
Четвергъ	9—10		
	10—11	Патристика	стика
	11—12	Патристика	стика
	12—1	Исторія философіи	философіи
	1—2	Исторія философіи	философіи
Пятница	9—10		
	10—11		
	11—12		
	12—1	Священное Писаніе	Ветхаго Завета
	1—2	Священное Писаніе	Ветхаго Завета
Суббота	9—10		
	10—11	Исторія философіи	философіи
	11—12	Исторія философіи	философіи
	12—1	Священное Писаніе	Ветхаго Завета
	1—2	Священное Писаніе	Ветхаго Завета

Распределение лекцій въ Московской Духовной Академіи на 1909—1910 учебный годъ.

		Третій курсъ.	
дни	часы.	I	II
Понедѣльникъ	9—10		
	10—11	Русская церков	ная исторія
	11—12	Русская церков	ная исторія
	12—1	Церковная архео	логія и литургика
	1—2	Церковная архео	логія и литургика
Вторникъ	9—10		
	10—11	Русская церков	ная исторія
	11—12	Русская церков	ная исторія
	12—1	Церковная архео	логія и литургика
	1—2	Церковная архео	логія и литургика
Среда	9—10	Церковное	право
	10—11	Церковное	право
	11—12	Древніе	языки
	12—1	Исторія рус	скаго раскола
	1—2	Исторія рус	скаго раскола
Четвергъ	9—10	Церковное	право
	10—11	Церковное	право
	11—12	Исторія рус	скаго раскола
	12—1	Исторія рус	скаго раскола
	1—2		
Пятница	9—10	Гоми	тетика
	10—11	Педа	гогика
	11—12	Педа	гогика
	12—1	Священное Писаніе	Новаго Завѣта
	1—2	Священное Писаніе	Новаго Завѣта
Суббота	9—10	Гоми	тетика
	10—11	Священное Писаніе	Новаго Завѣта
	11—12	Священное Писаніе	Новаго Завѣта
	12—1		
	1—2		

Распределение лекцій въ Московской Духовной Академіи на 1909—1910 учебный годъ.

		Четвертый курсъ	
дни	часы.	I	II
Понедѣльникъ	9—10		
	10—11		
	11—12		
	12—1		
	1—2		
Вторникъ	9—10		
	10—11		
	11—12		
	12—1		
	1—2	Пастырское	богословіе (Р. А.)
Среда	9—10		
	10—11	Пастырское	богословіе
	11—12	Пастырское	богословіе
	12—1		Русская гражд. исторія
	1—2		Русская гражд. исторія
Четвергъ	9—10		Русская гражд. исторія
	10—11		Русская гражд. исторія
	11—12		
	12—1		
	1—2		
Пятница	9—10		
	10—11	Нравственное	богословіе
	11—12	Нравственное	богословіе
	12—1	Догматическое	богословіе
	1—2	Догматическое	богословіе
Суббота	9—10		
	10—11	Нравственное	богословіе
	11—12	Нравственное	богословіе
	12—1	Догматическое	богословіе
	1—2	Догматическое	богословіе

V. **Слушали:** Заявление временнаго преподавателя церковнаго права—сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *Н. А. Заозерскаго*:

„Въ виду назначенія мнѣ Совѣтомъ Академіи, согласно указу Святѣйшаго Синода отъ 18 іюня с/г. за № 8943, *четыре* лекцій по церковному праву, вмѣсто *двухъ*, назначавшихся мнѣ, какъ временному преподавателю, по росписаніямъ 1907—1908 и 1908—1909 уч. г.г.,—не найдетъ ли Совѣтъ справедливымъ повысить и получаемое мною за этотъ трудъ вознагражденіе до полнаго оклада содержанія доцента“.

Справка: 1) На основаніи § 60 устава духовныхъ академій (относящагося, собственно, къ *штатнымъ* преподавателямъ Академіи, временно исполняющимъ преподавательскія обязанности, кромѣ своей,—и по другой, вакантной каедрѣ), вознагражденіе сверхштатному заслуженному ординарному профессору Академіи *Н. А. Заозерскому* за временное преподаваніе церковнаго права выдавалось доселѣ „въ размѣрѣ, не превышающемъ жалованья доцента“, т. е. въ количествѣ 864 р. въ годъ.—2) Согласно дополнительной статьѣ, внесенной въ уставъ духовныхъ академій по Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 19-й день октября 1907 года,—„Профессора духовныхъ академій, оставляющіе службу при академіи за выслугою лѣтъ (30), могутъ, по представленію Совѣта Академіи и съ утвержденія Святѣйшаго Синода, оставаться при академіяхъ въ качествѣ сверхштатныхъ профессоровъ, съ правомъ участія въ засѣданіяхъ академическаго Совѣта наравнѣ съ штатными профессорами ¹⁾; имъ же можетъ быть, въ установленномъ порядкѣ, поручаемо чтеніе лекцій бесплатно или же за вознагражденіе, но не свыше *оклада содержанія доцента* ²⁾, если для этого окажутся средства въ распоряженіи академическихъ начальствъ. Вознагражденіе сіе производится независимо отъ выслуженной профессоромъ пенсіи“.

¹⁾ Профессору *Н. А. Заозерскому* такое право предоставлено указомъ Святѣйшаго Синода отъ 19 ноября 1907 года за № 13932

²⁾ Въ составъ „оклада содержанія“ доцента входятъ жалованье (за вычетомъ 4% на пенсію—864 р.) столовыя (за такимъ же вычетомъ—144 р.) и квартирныя (150 р.) деньги, а всего 1158 рублей

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высочайшему Священному Проводителю о разрѣшеніи выдавать сверхштатному заслуженному ординарному профессору Академіи Н. А. Заозерскому, съ 1 сентября сего 1909 года, вознагражденіе за временное преподаваніе церковнаго права въ размѣръ полнаго оклада содержанія доцента, т. е. въ количествѣ 1158 рублѣй въ годъ.

VI. Разсуждали:—о назначеніи студентамъ сочиненій на наступившій 1909—1910 учебный годъ.

Справка: 1) §§ 123—125 устава духовныхъ академій: „Въ теченіе года въ первыхъ трехъ курсахъ студентамъ назначается не менѣе трехъ сочиненій. Кроме того, для студентовъ всѣхъ курсовъ обязательно составленіе проповѣдей въ томъ количествѣ, какое будетъ опредѣлено Совѣтомъ Академіи.—Сочиненія пишутся по всѣмъ наукамъ, преподаваемымъ въ академіи, но по наукамъ богословскимъ сочиненій должно быть не менѣе двухъ третей общаго ихъ количества.—Студенты IV курса, для полученія ученой степени, пишутъ одно особое сочиненіе на тему богословскаго содержанія“.—2) Согласно указу Святейшаго Синода отъ 18 іюня с/г. за № 8943, темы какъ для кандидатскихъ, такъ и для семестровыхъ сочиненій, по разсмотрѣніи въ Совѣтѣ Академіи, должны быть представляемы на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: 1) Назначить на 1909—1910 учебный годъ студентамъ I, II и III курсовъ по три сочиненія по слѣдующимъ предметамъ:

Въ I курсѣ:

а) По теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ (для студентовъ <i>первой</i> группы) и древней гражданской исторіи (для студентовъ <i>второй</i> группы).	}	Для студентовъ обѣихъ группъ.
б) По введенію въ кругъ богословскихъ наукъ.		
в) По метафизикѣ и логикѣ.		

Во II курсѣ:

а) По общей церковной исторіи	}	Для студентовъ обѣихъ группъ.
б) По библейской археологіи и еврейскому языку		
в) По исторіи философіи.		

Въ III курсѣ:

а) По исторіи и обличенію русскаго раскола	}	Для студентовъ обѣихъ группъ.
б) По догматическому богословію		
в) По пастырскому богословію.		

2) Предложить г.г. наставникамъ Академіи избранныя ими темы для семестровыхъ сочиненій студентовъ первыхъ трехъ курсовъ представлять на разсмотрѣніе Совѣта Академіи къ ближайшимъ его, предъ объявленіемъ темъ, собраніямъ.

3) Для написанія сочиненій студентамъ I, II и III курсовъ назначить слѣдующіе сроки: для перваго сочиненія — съ 10 сентября по 31 октября, для втораго — съ 1 ноября по 20 декабря 1909 года и для третьяго — съ 10 января по 10 марта 1910 года.

4) Предложить студентамъ IV курса избрать темы для кандидатскихъ сочиненій изъ числа данныхъ въ концѣ минувшаго учебнаго года наставниками Академіи и утвержденныхъ Его Высокопреосвященствомъ. — Срокомъ подачи кандидатскихъ сочиненій назначить время съ 15 апрѣля по 1 мая 1910 года. — Не подавшіе сочиненій къ сроку выпускаются изъ Академіи съ званіемъ дѣйствительнаго студента.

5) Объявить студентамъ IV курса, самовольно не представившимъ въ 1906—1907 и 1907—1908 учебныхъ годахъ семестровыхъ сочиненій *по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ и психологій*, что тѣ изъ нихъ, кто не представитъ означенныхъ сочиненій, а равно и проповѣди за IV курсъ, — къ 1-му мая 1910 года, — не будутъ допущены къ устнымъ выпускнымъ испытаніямъ.

6) Согласно §§ 12—13 „Правилъ объ обязанностяхъ учащихся въ Московской Духовной Академіи“ требовать, чтобы всѣ студенты представляли свои сочиненія аккуратно къ опредѣленнымъ срокамъ Г. Инспектору Академіи — профессору А. П. Шостыну, который, помѣтивъ время подачи, безотлагательно имѣетъ передавать ихъ тому или другому преподавателю; студенты же первыхъ трехъ курсовъ, не подавшіе сочиненій къ сроку, — немедленно представляли въ Правленіе Академіи объясненіе причинъ несвоевременной подачи.

7) Для студентовъ всѣхъ курсовъ назначить по *одной* проповѣди и требовать, чтобы они представляли ихъ не позднѣе 7-ми дней до произнесенія. — Росписаніе проповѣдей на 1909—1910 учебный годъ имѣетъ быть дано О Ректоромъ Академіи.

8) Объявить студентамъ первыхъ трехъ курсовъ, что кто изъ нихъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, къ 1-му іюня 1910 года не исполнитъ всѣхъ лежащихъ на немъ учебныхъ обязанностей какъ по представленію письменныхъ работъ, такъ и по сдачѣ устныхъ испытаній,—тотъ не можетъ уже рассчитывать на получение въ слѣдующемъ учебномъ году *казенной* стипендіи.

VII. **Слушали:** Прошеніе исправляющаго должность доцента Академіи по кафедрѣ древней гражданской исторіи, кандидата богословія, *Θ. М. Россейкина:*

„Честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи представляемое при семъ отчасти въ печатномъ, отчасти въ рукописномъ видѣ сочиненіе на тему „Первое правленіе Фотія, патріарха Константинопольскаго“ разсмотрѣть на соисканіе степени магистра богословія“.

Справка: По § 81 лит. а, п 6 устава духовныхъ академій— „распоряженіе о разсмотрѣнн диссертаций на ученія степени и оцѣнка оныхъ“ значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: Магистерскую диссертацию и. д. доцента Академіи *Θ. М. Россейкина* передать для разсмотрѣнія ординарному профессору Академіи по кафедрѣ общей церковной исторіи *А. А. Спасскому.*

VIII. Заявленіе О. Ректора Академіи Архимандрита *Θеодора* о томъ, что вторымъ рецензентомъ вышеозначенной магистерской диссертации онъ назначаетъ члена Совѣта—экстраординарнаго профессора по кафедрѣ патристики *И. В. Попова.*

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1909 г. Сент. 30. Утверждается“.—Въ текстъ журнала: противъ ст V „Разрѣшается“

4 сентября 1909 года.

№ 10.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Архимандрита Θεодора, Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостыинъ, заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій (сверхштатный) и М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессора—П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ, Н. Г. Городенскій и С. И. Смирновъ; доценты—И. М. Громогласовъ и А. П. Орловъ; исправляющіе должность доцента—священникъ Е. А. Воронцовъ, С. П. Знаменскій и П. А. Флоренскій и лекторъ В. П. Лучининъ.

Отсутствовали: ординарные профессора А. И. Введенскій (по нахожденію въ командировкѣ) и С. С. Глаголевъ (по нахожденію въ отпускѣ), доцентъ М. М. Богословскій, исправляющіе должность доцента Θ. М. Россейкинъ, священникъ Д. В. Рождественскій (всѣ трое по болѣзни) и Н. Л. Туницкій (по нахожденію въ отпускѣ).

Слушали: I а) Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Вельхвятскаго*:

„Честь имѣю доложить Совѣту Академіи, что изъ 31 студентавъ II курса, сужденіе о которыхъ, по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 10-го іюня с. г., отложено было до сентябрскаго собранія Совѣта, сдали устные испытанія по всѣмъ предметамъ академическаго курса и представили обязательныя письменныя работы (въ томъ числѣ и самовольно неподанныя ими на II и III курсахъ семестровыя сочиненія по нравственному богословію и исторіи и разбору западныхъ исповѣданій) лишь 22 студента, вѣдомость объ успѣхахъ и поведеніи которыхъ за четыре года академическаго курса при семъ представляется.—Изъ нихъ 15 имѣютъ въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ за весь курсъ баллъ не менѣе 4¹ 2, 3 — не менѣе 4 и 1—не менѣе 3. Три студента: *Заслоновскій Стефанъ, Севастьяновъ Павелъ и Шуруповъ Сергѣй*—не представили кандидатскихъ сочиненій.“

вергавшихся различнымъ вліяніямъ, напластованіямъ, пережившихъ различныя осложненія и расширенія, доводитъ эту исторію до того момента, когда творческій процессъ развитія „Уставныхъ Чтеній“ прекратился и они отлились въ неподвижно-мертвую матерію, какъ бы на вѣки окаменѣли.

Различными путями можно было идти къ той сложной и серьезной задачѣ, которую поставилъ предъ собою нашъ авторъ. Но изъ всѣхъ путей, по нашему убѣжденію, авторъ избралъ наилучшій. Авторъ рѣшилъ сдѣлать попытку дать *органическую* исторію развитія, постепеннаго осложненія и напластованія нашихъ „Уставныхъ Чтеній“, а не механическую и не хронологическую внѣшне, какъ это чаще всего бываетъ въ подобнаго рода работахъ. Исторію развитія нашихъ „Уставныхъ Чтеній“ онъ связываетъ съ исторіей культурно-христіанскаго роста нашего народа, *поставляетъ* ее въ психологически-органическую связь съ развитіемъ духовнаго генія русскаго народа. Его работа даетъ возможность ясно видѣть, какъ и почему въ основное русло „Уставныхъ Чтеній“ вливались постепенно различныя новыя струи, какъ эти струи смѣшивались постепенно съ оригинальными чисто русскими теченіями и какъ они въ нѣкоторое время почти становились единственными, вытѣсняя со своихъ страницъ въ дальнѣйшемъ ростѣ все чуждое русскому самобытному духовному генію. Это—вершина развитія самостоятельнаго творчества русскихъ проповѣдниковъ въ области учительной письменности. Это—рѣшительное слово о чисто самобытной національной проповѣди, слово объ особомъ пониманіи всего христіанства, подъ угломъ зрѣнія чисто славянскій души. Авторъ въ данномъ случаѣ совершенно справедливо говоритъ: „Библиографическій обзоръ церковно-учительнаго матеріала древне-русскихъ сборниковъ „Уставныхъ Чтеній“ даетъ необходимую почву для историко-прагматическаго анализа и синтеза этого матеріала, въ картинѣ послѣдовательнаго процесса развитія церковнаго учительства древней Руси. Историко-прагматическая, аналитико-синтетическая работа возсозданія историческаго процесса развитія русскаго проповѣдничества изъ окаменѣлыхъ его обломковъ, представляемыхъ древне-русскими сборниками „Уставныхъ Чтеній“, должна отправляться отъ наиболѣе устойчивыхъ и хронологически опредѣленныхъ элементовъ церковно-учительнаго

материала и, анализируя их болѣе первичный составъ, установить элементы, генетически имъ предшествующіе и послѣдующіе, ихъ обусловливающіе и отъ нихъ зависящіе. Тогда подъ могучимъ творческимъ рѣзцомъ научнаго анализа безпорядочная груда церковно-учительнаго матеріала, въ которомъ перемѣшаны элементы греческіе, южно-славянскіе и русскіе, сначала расплавляется на образующіе ее генетически преемствующіе пласты, обнажаясь до своихъ глубочайшихъ основъ, а затѣмъ изъ этихъ пластовъ выдѣляются и живо встаютъ генетически связанными рядами облики погребенныхъ въ нихъ извѣстныхъ и анонимныхъ родныхъ представителей и ревнителей церковно-учительнаго слова древней Руси“ (397—398).

Эта сколько блестящая, столько и научная задача могла повергнуть нашего автора въ цѣлое море научныхъ такъ называемыхъ психологическихъ гипотезъ и подъ этими гипотезами похоронить всю дѣйствительную исторію „Уставныхъ Чтеній“. Психологія и весьма извѣстныхъ писателей своими заманчивыми перспективами завлекала въ дебри чистой фантазіи. Но нашъ авторъ забаррикадировался отъ этой опасности массою подлиннаго, отовсюду имъ собраннаго и еще тщательнѣе изученнаго обширнаго матеріала. Читая сочиненіе г. Виноградова, положительно поражаешься той массою первоисточниковъ, по преимуществу цѣннѣйшихъ рукописей, которые онъ собралъ отовсюду для своей работы. Желая обезпечить свои выводы со стороны ихъ неприкосновенности, онъ даже лично посѣщалъ многія цѣннѣйшія наши книгохранилища, когда ему не высылали нужной рукописи или когда ему нужно было провѣрить то или другое отдѣльное сомнительное мѣсто. Свои научныя построенія онъ сопровождаетъ такими краснорѣчивыми параллелями, которыя уже не оставляютъ никакихъ сомнѣній въ душѣ читателя относительно вѣрности его научныхъ построеній. Прекрасное знаніе греческаго языка даетъ ему возможность расширять и углублять эти параллели, устанавливая связь даже съ различными греческими произведеніями. Эти параллели иногда занимаютъ у него цѣлый длинный рядъ страницъ (474—535).

Такое тщательное изученіе текста „Уставныхъ Чтеній“ даетъ возможность нашему автору дѣлать существенныя

поправки научныхъ положеній различныхъ выдающихся русскихъ ученыхъ (64. 68. 85—86. 253. 285. 356. 443. 447. 457. 611. 641. 788 и др.), то, что высказывалось нѣкоторыми учеными лишь только гипотетически, объявлять непреложной истиной (537 и др.), наконецъ даетъ возможность дѣлать чисто научныя открытія. когда, наприм., исторію учительной дѣятельности Кирилла Туровскаго онъ излагаетъ совершенно въ новыхъ очертаніяхъ, какъ со стороны отношеній Кирилла Туровскаго къ различнымъ источникамъ (зависимости), такъ и со стороны круга „новыхъ“ поученій, несомнѣнно ему принадлежащихъ, но таковыми до всего времени не считавшихся (537—555 и сл.).

Гармоническое сочетаніе двухъ методовъ научной работы сложнаго церковно-учительнаго матеріала, а еще болѣе сложной подпочвы постепеннаго образованія этого матеріала, дало возможность нашему автору въ точныхъ, необыкновенно стройныхъ и увлекательно-жизненныхъ чертахъ изложить всю сложную исторію „Уставныхъ Чтеній“, насколько возможно ея построеніе и изложеніе въ такой широкой перспективѣ, въ какой онъ изучаетъ ее.

Говоря о чисто научныхъ достоинствахъ разсматриваемаго сочиненія, нельзя не сказать хотя бы нѣсколькихъ словъ и о слогѣ автора. Слогъ всего сочиненія отличается необыкновенной серьезностью, обработанностью, пластичностью, глубоко философско психологической окраской. Читая сочиненіе г. Виноградова, даже трудно вѣрить, что это пишетъ простой студентъ Академіи, а не какой-либо серьезный ученый, изощрившій свое перо и мысль въ продолжительной упорной работѣ надъ извѣстнымъ специальнымъ отдѣломъ науки. Въ такой обширной перспективѣ, въ какой разсматриваетъ авторъ „Уставныя Чтенія“, можно, конечно, указать немало пропусковъ литературы, отмѣтить гипотетичность нѣкоторыхъ его сужденій, указать нѣсколько повтореній, подчеркнуть отсутствіе стройности въ сочиненіи по мѣстамъ, указать рѣзкость отзывовъ и нѣкоторыхъ сужденій и т. д. Но эти всѣ недочеты такъ неизбѣжны въ такомъ громадномъ сочиненіи, что о нихъ не стоитъ и говорить. Сдѣлано главное, взяты вѣрные тоны, уловлены основныя теченія, а прочее легко разработать при окончательной детальной обработкѣ сочиненія.

Принимая все это во вниманіе, я признаю г. Виноградова за представленное имъ сочиненіе не только заслуживающимъ степени кандидата богословія, но и даже степени магистра богословія. Въ виду выдающихся качествъ сочиненія г. Виноградова, рекомендую его на свободную кафедру Гомилетики. Общее высокое развитіе г. Виноградова отмѣчено не однимъ мною только. Оно отмѣчено и тѣми профессорами, которые отмѣчали его семестровыя работы высшимъ балломъ пять плюсь. Подготовленность г. Виноградова къ указанной кафедрѣ видна и изъ того, что онъ многое успѣлъ уже напечатать какъ специально по Гомилетикѣ, такъ и по общимъ богословскимъ и церковно-историческимъ вопросамъ. Наконецъ, я долженъ напомнить Совѣту и о томъ, что г. Виноградовъ въ теченіе почти трехъ лѣтъ былъ предсѣдателемъ проповѣдническаго кружка въ Академіи, руководилъ проповѣдническою дѣятельностью студентовъ Академіи, развивалъ дѣло проповѣдничества въ Посадѣ и Академіи до небывалыхъ прежде размѣровъ. Онъ же положилъ начало и печатанію студенческихъ проповѣдей, что практиковалось лишь въ старое доброе время въ Московской Академіи. Проповѣди, отпечатанныя проповѣдническимъ кружкомъ, теперь разошлись по всей Россіи въ цѣлыхъ десяткахъ тысячъ экземпляровъ (свыше ста тысячъ). Не могу наконецъ умолчать и о томъ, что онъ блестяще владѣетъ словомъ, что для профессора гомилетики положительно необходимо. О его преданности Церкви считаю лишнимъ говорить“.

2) Доцента Анатолия Орлова о сочиненіи студента *Калишевича Евстація* на тему: „Папа Левъ XIII и социальный вопросъ“:

„Довольно обширное (421 стр. убористаго письма) сочиненіе г. Калишевича, посвященное характеристикѣ и оцѣнкѣ отношеній папы Льва XIII къ социальному (по преимуществу рабочему) вопросу его времени, раздѣляется на „введеніе“, пять главъ и „заключеніе“. Во введеніи (I—I.) авторъ характеризуетъ отношеніе къ социальному вопросу со стороны непосредственныхъ предшественниковъ Льва XIII—папъ Григорія XVI и Пія IX, и отмѣчаетъ общій поворотъ въ социальной политикѣ курии съ началомъ понтификата Льва XIII. Первая глава (1—76 стр.) сочиненія г. Калише-

вича, которую также можно назвать вводною къ собственно темѣ автора, обрисовываетъ сущность т. н. социальнаго католическаго движенія, его общій характеръ, главнѣйшихъ его представителей (Ламенэ, Бюше, Гюз, Кеттелеръ и др.) и довольно подробно раскрываетъ программу и отчасти успѣхи этого движенія, какъ они опредѣлились ко времени выступленія Льва XIII на поприще социальнаго дѣятельности. Вторая глава (76—169 стр.), посвященная уже собственно социальнаго дѣятельности Льва XIII, характеризуетъ разнообразныя выступленія этого папы по рабочему вопросу до изданія энциклики *Quoniam noverimus*. Въ этой главѣ авторъ подвергаетъ анализу папскія посланія Льва, написанныя имъ еще въ бытность его Перуджійскимъ архіепископомъ (1877 г.),—равно какъ рядъ энцикликъ папы, такъ или иначе затрогивавшихъ социальныя вопросы современности (*Quod apostolici munus, Utaniam divinae sapientiae, Dilectissimi, Humanum genus* и др.), и выясняетъ характеръ выраженныхъ въ этихъ энцикликѣхъ социальныхъ воззрѣній папы въ связи съ условіями социальнаго-политической жизни Европы и въ частности—Италіи въ началѣ 80 г.г. Въ этой же главѣ авторъ раскрываетъ социальный идеалъ Льва XIII, какъ онъ выразился въ канонизаторской или литургической дѣятельности папы,—въ папской политикѣ въ Ирландіи и Сѣверной Америкѣ,—въ рѣчахъ папы къ римскимъ паломникамъ—рабочимъ въ 1887—89 г.г., и, наконецъ, въ отношеніи римской куріи къ берлинской международной конференціи по рабочему вопросу, созванной Вильгельмомъ 2-мъ. Третья глава (169—246 стр.) посвящена обстоятельному анализу энциклики Льва XIII *Quoniam noverimus*, а четвертая (246—329 стр.) подробно характеризуетъ отраженіе этой энциклики въ католической и свѣтской прессѣ,—раскрываетъ практическія слѣдствія, вызванныя этой энцикликѣю въ социальнаго-католическомъ мірѣ, оживленіе католическихъ рабочихъ ассоціацій въ Бельгіи, Франціи, Германіи и Соединенныхъ Штатахъ,—наконецъ отмѣчаетъ и ту оппозицію, какую вызвало это оживленіе социальнаго-католическаго движенія у католическихъ консерваторовъ, — оппозицію, косвеннымъ слѣдствіемъ которой было появленіе въ свѣтъ новой папской энциклики (*Gravis de communi* (1901 г.) и папской „инструкціи о народно-христіанской дѣятельности“ (1902 г.). Пятая

глава (329—407 стр) и „заключение“ (407—421) изслѣдованія г. Калишевича содержатъ въ себѣ подробную оцѣнку соціальной программы Льва XIII и опредѣляютъ ея значеніе въ исторіи соціально-политическихъ вопросовъ.

Какъ студенческая работа, выполненная при томъ въ продолженіи одного учебнаго года, талантливое сочиненіе г. Калишевича отличается незаурядными достоинствами. Прежде всего, необходимо отмѣтить относительную полноту и научную содержательность работы г. Калишевича. Въ основѣ его работы лежитъ тщательное изученіе всѣхъ тѣхъ памятниковъ соціальной дѣятельности Льва XIII, о которыхъ ему пришлось трактовать въ своемъ сочиненіи,—проштудированныхъ по многотомному изданію *Acta Leonis XIII*. Съ наименьшей тщательностію изучена и вполне умѣло использована авторомъ и сложная литература по его вопросу, какую авторъ могъ найти въ нашей академической библіотекѣ. Авторъ цитируетъ цѣлый рядъ изслѣдованій, посвященныхъ понтификату Льва XIII, и вообще исторіи соціально-христіанскаго движенія (*Letou Beaulieu, Nitti, Gregoir, Houx, Boudignon, De-Pascal, Maunius, Serlaes* и др.), не говоря уже о массѣ разнообразныхъ сочиненій по различнымъ отраслямъ вообще соціально-политической исторіи Европы въ 19 в. Отсюда изложеніе г. Калишевича получаетъ характеръ документальной убѣдительности и научной обоснованности. Нельзя, далѣе, не отмѣтить архитектурной стройности изслѣдованія г. Калишевича. Несмотря на разнообразный и сложный характеръ литературы, съ которой автору пришлось имѣть дѣло при написаніи своей работы, г. Калишевичъ сумѣлъ вполне удержаться въ рамкахъ своей темы.—привлекая въ свое сочиненіе лишь то, что имѣетъ болѣе или менѣе непосредственное отношеніе къ его темѣ, не поддаваясь соблазну уклониться въ хотя, можетъ быть, и болѣе интересные, но не идущіе прямо къ основному вопросу экскурсы. Отсюда его работа отличается не только логической отчетливостію въ раскрытіи мыслей автора, но и внутренней цѣлостностію и планомѣрностію. Наконецъ, сочиненіе г. Калишевича написано безукоризненно-литературнымъ слогомъ и потому отъ первой до послѣдней строчки читается съ неослабываемымъ интересомъ.

Пробѣлы, какіе наблюдаются въ работѣ г. Калишевича,

могутъ быть отмѣчены не столько какъ недостатки его кандидатской работы, сколько какъ *via desideria* для дальнѣйшей работы автора въ области его вопроса. Такимъ проблемомъ по преимуществу является недостаточная разносторонность изслѣдованія г. Калишевича. Авторъ въ данной своей работѣ сосредоточился по преимуществу на социальной идеологии Льва XIII, въ ея различныхъ фазахъ, и лишь косвенно затрагиваетъ вопросъ о самомъ реально-историческомъ ростѣ социально-католическаго движенія при Левѣ XIII,—того движенія, которое было, съ одной стороны, почвой, а съ другой стороны, и плодомъ социальной политики покойнаго папы. Для выполнения этой задачи автору конечно нужно расширить свое знакомство съ литературой его вопроса (Foucault, Tismann, Goran, Laporte и др.)—и въ частности—съ вопросомъ объ организаціи социально-католическихъ ассоціацій въ отдѣльныхъ странахъ. Болѣе отношенія къ настоящей работѣ г. Калишевича можетъ имѣть упрекъ въ зѣкоторой односторонности его критической оцѣнки социальныхъ воззрѣній Льва XIII-го,—въ частности, можетъ быть, произвольномъ суженіи его социального идеала,—въ недостаточномъ вниманіи къ религіозно-моральнымъ теократическимъ его предпосылкамъ. Имѣя въ виду цѣлостный религіозно-социальный идеалъ папы, учившаго, что социально-экономическое неравенство людей есть слѣдствіе грѣха,—что богачь созданъ лишь для распоряженія имуществомъ Божиимъ на землѣ,—учившаго о „братскомъ“ отношеніи хозяевъ къ рабочимъ (ср. стр. 59, 102, 142—3 и др.) и не допускаяго лишь революціоннаго разрѣшенія социально-экономическихъ нестроений жизни, авторъ едва ли рѣшился бы утверждать, что Левъ XIII „санкціонируетъ вѣчное социально-экономическое неравенство“ людей, и что, потому, его социальный идеалъ „трудно и почти невозможно примирить“ съ господствующимъ „въ сознаніи современнаго человѣчества понятіемъ о Богѣ, какъ олицетвореніи высшей справедливости, абсолютной правды“ (346 стр.),—что вся вообще социальная политика Льва XIII, повидимому проникнутая любовью къ обездоленному рабочему классу, въ сущности преслѣдовала „цѣли, не имѣющія ничего общаго съ истинно-христіанской религіей“ (334 стр.). Разногласіе между социальнымъ идеаломъ папы и „господствующими юриди-

ческими и христианскими понятіями современныхъ народовъ” (346 стр.) можно установить больше лишь въ вопросѣ о способахъ осуществленія этого идеала, чѣмъ въ моральной широтѣ его содержанія. Не отдавая должнаго вниманія къ собственно-идеологической сторонѣ социальной программы Льва XIII-го, авторъ въ своей „оцѣнкѣ“ ея представилъ почти сплошной обвинительный актъ противъ нея, при чемъ въ доказательство ея несостоятельности между прочимъ не совсѣмъ законно ссылается на „лицемѣрную и половинчатую социальную политику“ католическаго „центра“ въ германскомъ рейхстагѣ (340—41 стр.). Но вѣдь „центръ“, какъ извѣстно, представляетъ собою партію, возникшую до и независимо отъ социальныхъ выступленій Льва XIII-го, и къ социальной политикѣ собственно Льва XIII-го можетъ имѣть лишь косвенное и отдаленное отношеніе. Вообще разграниченіе между социальной идеологіей Льва XIII-го и ея жизненной реализаціей, особенно въ кругахъ, не стоящихъ въ непосредственно генетической связи съ нею, хотѣлось бы видѣть въ критической части работы г. Калишевича проведеннымъ болѣе отчетливо.

Сочиненіе г. Калишевича не только даетъ автору право на степень кандидата богословія, но и заслуживаетъ особаго вниманія Совѣта Академіи“.

3) Ординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго о сочиненіи студента *Кудрявцева Николая* на тему: „Мэнъ де-Биранъ, какъ метафизикъ и религіозный мыслитель“:

„Сочиненіе сравнительно небольшое (стр. I—LXXIX+266) и далеко незаконченное. Въмѣсто намѣченныхъ во введеніи *четыре*хъ „частей“, г. Кудрявцевъ написалъ только *первую часть* (біо- и библиографическія свѣдѣнія о Мэнъ де-Биранѣ) и *первую главу второй* (генезисъ основныхъ философскихъ идей мыслителя), намѣтивъ лишь конспективно содержаніе послѣднихъ частей (во Введеніи). Такимъ образомъ, все, что могло наиболѣе интересовать рецензента, ограничившаго обработку темы метафизическими и религіозно-философскими моментами, осталось въ сочиненіи не обследованнымъ,—если не считать бѣглыхъ конспективныхъ замѣчаній, данныхъ авторомъ во Введеніи. Эта незаконченность сочиненія, правда, находитъ свое объясненіе и, если угодно, оправданіе отчасти

въ исключительно тяжелыхъ семейныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ приходилось работать г. Кудрявцеву, отчасти въ состояніи его здоровья за истекшій учебный годъ. Но тѣмъ не менѣе о ней приходится очень пожалѣть, такъ какъ, вслѣдствіе отсутствія въ сочиненіи метафизическихъ и спеціально религіозно-философскихъ изслѣдованій, развѣ лишь косвенно можно судить о способности автора разбираться въ вопросахъ этого рода.

Оставляя, однако, въ сторонѣ сѣтованія о томъ, чего въ сочиненіи нѣтъ, и сосредоточивая вниманіе на томъ, что въ немъ есть, рецензентъ долженъ констатировать слѣдующее:

1) Поставивъ своею цѣлью написать *ученую* монографію о Мэнъ де-Биранѣ, г. Кудрявцевъ употребилъ много труда на черновую работу,—на собираніе и классификацію какъ первыхъ, такъ и вторыхъ источниковъ, причемъ прослѣдилъ вопросъ, съ историко-философской точки зрѣнія, до самаго послѣдняго времени. Какъ видно изъ цитатъ („Примѣчанія“ составляютъ почти половину сочиненія, стр. 141—266), онъ не только вообще ознакомился, но и детально освоился съ обширною литературою вопроса. Правда, часто при этомъ онъ уплачиваетъ уже слишкомъ большую дань тому, что Блюнчли такъ удачно назвалъ „бюрократизмомъ въ наукѣ“,—напримѣръ, иногда вовсе безъ всякой надобности прищипливаетъ цитатами положенія самоочевидныя, входитъ въ библиографическія тонкости второстепеннаго и даже третьестепеннаго характера, лишь отвлекающія вниманіе въ сторону и т. д. Но за то, своею обильною и обыкновенно точною цитациею, онъ даетъ несомнѣнное доказательство хорошей освѣдомленности въ литературѣ вопроса.

2) Методологическіе приемы автора показываютъ, что онъ стоитъ на уровнѣ строгихъ научно-методологическихъ требованій и обладаетъ хорошо дисциплинированнымъ мышленіемъ. Чуждое увлеченія дешевыми красотами, спокойное и уравновѣшенное, сосредоточивающее вниманіе читателя на существенномъ, его изложеніе производитъ весьма благоприятное впечатлѣніе, нарушаемое время отъ времени развѣ лишь пристрастіемъ автора къ подлиннымъ выраженіямъ (часто оставляемымъ притомъ безъ перевода), которыми пестрятъ страницы сочиненія.

3) Въ извилистыхъ и перепутанныхъ теченіяхъ мысли

Мэнь де-Бирана, и особенно его комментаторовъ, авторъ разбирается довольно удовлетворительно и, насколько можно судить по началу второй части, ему удастся,—если, конечно, обстоятельства позволятъ продолжить работу,—довести сложные построения знаменитаго французскаго мыслителя, путемъ выясненія ихъ генезиса, до схематически-прозрачной ясности. Это—положительныя свойства сочиненія.

Изъ недостатковъ рецензентъ долженъ отмѣтить одинъ, но, по его мнѣнью, весьма существенный.

Тема ограничиваетъ изслѣдованіе метафизическими и религиозно-философскими моментами. Это и должно было бы служить путеводною звѣздой и коррективомъ всего изслѣдованія. Въ него слѣдовало бы автору вводить лишь то, что содѣйствуетъ выясненію именно этой стороны дѣла. Но онъ *расширилъ свою задачу и чрезъ то обрѣзываетъ тему*. Судя по введенію и первымъ главамъ сочиненія, можно думать, что онъ увлекся мыслью написать о Мэнь де-Биранѣ историко-критическую монографію вообще, въ которую, на своемъ мѣстѣ, должны, конечно, войти и религиозно-метафизическія идеи мыслителя, но—лишь какъ одинъ изъ многихъ элементовъ... Рецензентъ долженъ усиленно подчеркнуть это увлеченіе автора и предостеречь отъ него на будущее время. Вопросъ здѣсь идетъ не только о незаконномъ расширеніи задачи до такихъ предѣловъ, при которыхъ она можетъ оказаться совсѣмъ непосильною автору, но—о самой постановкѣ дѣла: *изслѣдованіе должно быть спеціальной монографіей по философіи религии, а не общей по исторіи философіи*. Автору необходимо, по требованію темы, сосредоточить свое вниманіе, прежде всего и главнымъ образомъ, на томъ, какъ традиціонныя идеи католицизма (чрезъ Фенелона и Боссюэ) преломились въ философскомъ сознаніи Мэнь де-Бирана, и именно такую постановкою дѣла должна опредѣляться у него архитектоника цѣлаго.

Для присужденія автору степени кандидата богословія сочиненіе удовлетворительно“.

4) Экстраординарнаго профессора Сергѣя Смирнова о сочиненіи студента *Назарьева Николая* на тему: „Духовники русскихъ князей, великихъ и удѣльныхъ, и Московскихъ царей“:

„По данному вопросу научная литература скудна, а исто-

рическія свидѣтельства крайне разбросаны и дробны,—это трудности, съ которыми пришлось бороться г. Назарьеву. И не смотря на нихъ, ему удалось успѣшно выполнить свою задачу. По разнымъ источникамъ, главнымъ образомъ по лѣтописямъ и житіямъ, онъ собралъ довольно полно данныя о княжескихъ и царскихъ духовникахъ, приложивъ ихъ списокъ къ своему изслѣдованію, а затѣмъ на основаніи добытаго матеріала написалъ очеркъ въ девять главъ, въ которомъ описываются съ разныхъ сторонъ княжескіе духовники начиная съ XI в.—съ преп. Ѳеодосія Печерскаго, кончая XVIII стол.—протопопомъ Іаковомъ Игнатьевымъ, духовникомъ царевича Алексѣя Петровича, сыгравшимъ роковую роль въ исторіи несчастнаго сына Петра Великаго. Духовники русскихъ князей и царей изображаются г. Назарьевымъ съ разныхъ сторонъ: со стороны ихъ избранія и поставленія (I гл.), нравственно-учительнаго значенія (II), обличеній своихъ знатныхъ дѣтей духовныхъ (III), участія въ жизни князей и царей—личной и семейной (IV и V), государственной и общественной (VI и VII), со стороны ихъ матеріальной обеспеченности (VIII) и отношенія къ высшей церковной власти (IX). Такимъ образомъ работа г. Назарьева представляетъ цѣльный, довольно обстоятельный и интересный очеркъ, живо рисующій бытовой строй княжеско-царскаго духовничества.

Однако можно указать нѣкоторые недочеты сочиненія. Автору слѣдовало бы для выясненія того явленія, которое изучаетъ онъ, обратиться къ византійской исторіи и посмотреть на положеніе императорскихъ духовниковъ. И онъ пытался это сдѣлать, но за недостаткомъ времени и болѣзнью, а главное по невыясненности вопроса въ научной литературѣ, ему доступной, отказался.—Авторъ не дѣлитъ изучаемаго явленія на періоды, въ его работѣ встрѣчаются порой сопоставленія и сравненія показаній XII в. и XVIII,—отъ этого его картинѣ недостаетъ того, что называется перспективой.—Недостаточно объяснено интересное явленіе—одно-временное существованіе нѣсколькихъ духовниковъ у извѣстнаго князя или царя при общемъ обычаѣ имѣть одного отца духовнаго.—Встрѣчаются мелкія ошибки (стр. 6, 127): шероховатости въ изложеніи или выраженія нескладныя (стр. VI, 7, 12 и др.).

Не смотря на указанные пробѣлы и принимая въ расчетъ неразработанность даннаго вопроса, а главное, положительные результаты труда, сочиненіе г. Назарьева можно признать очень хорошей кандидатской работой“.

5) Исправляющаго должность доцента Павла Флоренскаго о сочиненіи студента *Наумова Сергѣя* на тему: „Культъ Діониса въ Греціи“.

„Едва ли можетъ быть оспариваемо, что культъ Діониса представляетъ собою одно изъ наиболѣе глубокихъ и значительныхъ явленій античности, привлекательныхъ какъ для историка религіи, такъ и для изслѣдователя другихъ сторонъ древней жизни. Исторія литературы, исторія философіи, не говоря ужъ объ этнографіи и социологіи, живо заинтересованы въ изученіи того, что можно было бы окрестить на нѣмецкій ладъ именемъ „діонисовской проблемы“. Мало того, помимо своего значенія для исторіи религіи вообще, эта проблема, такъ или иначе, несомнѣнно затрагиваетъ и кругъ занятій церковно-историческихъ, вмѣстѣ съ патристическими,—хотя бы въ виду необходимости разобратъ ходячія нынѣ утвержденія о генетической зависимости христіанскихъ литургическихъ дѣйствій и христіанскихъ догматическихъ идей отъ культа и концепцій „религіи страдающаго бога“.

Вотъ почему, кажется странною,—а порою опускается даже болѣзненно—, малочисленность и случайность изслѣдованій о Діонисѣ. Тотъ упрекъ въ недостаточности такихъ изслѣдованій можетъ быть поставленъ даже западной наукѣ; у насъ же, въ русской литературѣ, о Діонисѣ нѣтъ прямо таки ни одного изслѣдованія, если не считать глубокихъ и проникновенныхъ отдѣльными мѣстами, но предварительныхъ и спѣшныхъ по общему исполненію этюдовъ Вяч. Иван. Иванова, печатавшихся въ „Новомъ Пути“ и въ „Вопросахъ Жизни“. Потребность въ монографіи о Діонисѣ, которая была бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, собраніемъ основныхъ текстовъ, такъ и остается неудовлетворенною. Поэтому можно привѣтствовать даже и самое намѣреніе г-на Наумова заняться цикломъ діонисическихъ явленій.

Однако, едва ли можно считать заголовокъ темы соответствующимъ вточности содержанію сочиненія: тутъ рѣчь

идеть не о культѣ Діониса вообще, на основаніи *всѣхъ* данныхъ, а исключительно такъ, какъ онъ представленъ литературными (да и то не *всѣми*) источниками. Монументальныя же данныя,—данныя эпиграфики, нумизматики, глиптики, исторіи пластики и другихъ археологическихъ дисциплинъ—, въ сочиненіи г. Наумова вовсе не затронуты. Этотъ пробѣлъ весьма существенъ; но и въ своемъ настоящемъ видѣ разбираемая работа заслуживаетъ вниманія по изобилію приводимаго матеріала.

Есть и еще одно,—случайное—, обстоятельство, придающее ей цѣнности. Это, именно, отступленіе ея отъ нѣкоторыхъ модныхъ научныхъ пріемовъ,—что выясняется при сопоставленіи ея съ религіозно-историческими изслѣдованіями XVI—XVIII-го вѣковъ. Послѣднія нерѣдко имѣютъ качество, дѣлающее ихъ незамѣтными даже и по сю пору. Разумѣю здѣсь то, что слѣдовало бы назвать „*чистой*“ изслѣдованія, происходящею отъ концентрации вниманія на опредѣленномъ кругѣ данныхъ. и, вслѣдствіе этого, вдумчивое, детальное, исчерпывающее и отчетливое обслѣдованіе матеріала. Не то—у большинства изслѣдователей XIX-го и начала XX-го вѣковъ. Зараженный эволюционизмомъ, съ его необузданнымъ обобщеніемъ, съ его стремленіемъ все приводить къ одному знаменателю,—черезъ указаніе общей почвы разнородныхъ явленій—, съ его разложеніемъ явленія на элементы и нечуткостью къ своеобразію и самобытности конкретной жизни, современный изслѣдователь религіи рѣдко даетъ себѣ трудъ изучить явленія сами по себѣ и затѣмъ уже сравнивать ихъ съ другими. Такъ же, въ частности, и группа явленій, связанныхъ съ именемъ Діониса, нерѣдко подмѣняется въ изслѣдованіяхъ общимъ наименьшимъ кратнымъ ея со многими другими явленіями,—энеузизмомъ вообще, при чемъ мысль изслѣдователя безпокойно бѣгаетъ по *всѣмъ* широтамъ и долготамъ и по *всѣмъ* эпохамъ, ни на одной не останавливаясь сосредоточеннымъ взоромъ. Повидимому, о чемъ-то подобномъ мечталъ и г. Наумовъ, когда, указывая на трудности предстоящей работы, онъ исчисляетъ при этомъ весь арсеналь современнаго историка религіи. Но затѣмъ, ссылаясь на недостатокъ времени (стр. XVII), онъ заявляетъ (—на свое счастье!—), что вынужденъ сузить привлекаемый къ дѣлу матеріаль, и дѣйствительно ограничиваетъ его предѣ-

тами данных древней литературы. Вотъ этотъ-то недостатокъ времени и придавъ работѣ г. Наумова весьма цѣнные черты монографіи о Діонисѣ.

Авторъ изучилъ много первоисточниковъ, — изъ которыхъ, при томъ же, иные имѣются только на греческомъ языкѣ; имъ собрано значительное количество (не менѣе шестисотъ) цитатъ изъ разныхъ писателей, при чемъ всѣ цитаты—въ оригинальномъ текстѣ. Матеріалъ этотъ, тѣмъ не менѣе, не подавляетъ Автора. Изложеніе, не смотря на свою насыщенность документальностью (рѣдкая страница обходится безъ нѣсколькихъ ссылокъ на первоисточники), не смотря на свою сжатость, переходящую нерѣдко въ конспективность, — точно, отчетливо, а порою даже изящно. Наиболѣе обработанною является *вторая* глава,—гдѣ говорится о концепціи Діониса въ эллинскомъ сознаниі, и глава эта показываетъ, что у г. Наумова есть данныя для занятій исторіей религіи: имѣю въ виду ту чуткость къ религіозно-историческимъ фактамъ, безъ которой невозможно пониманіе живой души религіи.

Все сочиненіе состоитъ изъ небольшого *введенія*, трактующаго о важности изученія культа Діониса, выясняющаго затѣмъ трудности этой работы и планъ ея, и изъ *четыре*хъ главъ неравнаго объема и неравнаго достоинства. *Глава первая* посвящена историческому происхожденію культа Діониса. Сперва говорится о большой распространенности этого культа среди эллиновъ и о древности его; затѣмъ приводятся мнѣнія древнихъ и данныя мифологіи относительно происхожденія культа, и, наконецъ, изложивъ нѣкоторые современные взгляды, Авторъ пытается разобраться въ нихъ. Во *второй главѣ* выясняются идеи, окружавшія въ эллинскомъ сознаниі образъ Діониса. Въ *третьей главѣ* дается общее описаніе культа, и, наконецъ, *четвертая*—занимается психологіей оргіи.

Отмѣтимъ сперва нѣкоторые формальные недочеты разбираемой работы. Прежде всего, можно пожалѣть о томъ размѣщеніи главъ, на которомъ остановился Авторъ. Съ методологической точки зрѣнія весьма сомнительно, можно ли рѣшать вопросъ о происхожденіи культа Діониса чисто-формально, не опредѣливши сначала самой сути діонисіанства:—можно ли трактовать происхожденіе неизвѣстно чего?

Вѣдь это—не математика, гдѣ объектъ изслѣдованія дается конструктивнымъ опредѣленіемъ. Высказанное сомнѣніе тѣмъ болѣе основательно, что діонисіанство—явленіе имѣющее себѣ тысячи параллелей, и потому, во первыхъ, трудность говорить о происхожденіи діонисіанства значительно возрастаетъ, а, во вторыхъ, оно является, вѣроятно же всего, вовсе никакъ не „происшедшимъ“, а составляющимъ исконное достояніе человечества и лишь окрашивающееся такъ или иначе въ національныхъ и мѣстныхъ особенностяхъ. Да и вообще должно сказать, что искать во что бы-то ни стало „источниковъ“ культурно-религіознаго явленія—одинъ изъ предразсудковъ, пущенныхъ въ ходъ эволюціонистами. Но, такъ или иначе, бесплодность этихъ поисковъ въ данномъ случаѣ дѣлается очевидною при чтеніи первой главы сочиненія.— главы самой добросовѣстной по количеству затраченнаго на нее труда, обширной по объему, привлекающей къ дѣлу „облакъ свидѣтелей“, но въ то же время утомляющей своими школьными упражненіями и школьными попытками разгрызть неудобогрызаемый орѣхъ: тема при этомъ почти не движется. Какъ и слѣдовало ожидать, злосчастный орѣхъ оказывается пустымъ. Ото всѣхъ этихъ подлинныхъ свидѣтельствъ остается одно впечатлѣніе: говорилось о происхожденіи діонисова культа разное; не только въ нынѣшнее время, но уже и въ древности, гадали о немъ всячески. И еще подвести данныя подъ ту или иную теорію можно всячески. Авторъ, повидимому, сознаетъ это положеніе дѣлъ; но, ввязавшись въ дразги скрещивающихся мнѣній, считаетъ болѣе приличнымъ занять какую-нибудь позицію, и, нехотя, присоединяется къ Фукару, защищающему египетское происхожденіе культа Діониса.

Такимъ образомъ, совершенно напрасно г. Наумовъ расточаетъ время и силы, какъ свои, такъ и читателя, на первую главу. Если бы все сочиненіе было выполнено такъ, какъ выполнена *вторая* глава, то, послѣ незначительной обработки, не было бы со стороны формы препятствій къ его напечатанію. Но, не смотря на то, что интересъ разбираемыхъ вопросовъ возрастаетъ съ каждою новою главою, силы Автора замѣтно изсякаютъ. Въ *третьей* главѣ уже чувствуется усталость и недодѣланность. Эта глава напоминаетъ, скорѣе, матеріалъ для сочиненія, чѣмъ самое сочиненіе; изложеніе.

и ранѣе сжатое безъ мѣры, дѣлается конспективно; извѣстія древнихъ писателей остаются окончательно почти безъ анализа. Наконецъ, *последняя* глава, найинтереснѣйшая по своему предмету, представлена блѣднымъ наброскомъ на 18-ти страницахъ, съ заявленіемъ: „Недостатокъ времени не позволяетъ намъ сдѣлать болѣе подробнаго(ый) анализа(ъ) оргіастической психологіи,(;) поэтому мы останавливаемся только на болѣе общихъ психологическихъ чертахъ оргій(и)“ (стр. 256). Несомнѣнно тѣ, что не пиши г. Наумовъ *первой* главы, эта, *четвертая*, глава имѣла бы достоинство теперешней *третьей*, если не *второй*,—а отсутствіе теперешней *первой* главы едва ли повредило бы сочиненію.

И относительно *второй* главы возникаетъ методологическое сомнѣніе. Вѣдь боги переживаются, какъ данности, лишь въ своихъ явленіяхъ вѣрующимъ,—въ оефаніяхъ. *Культъ*—вотъ что для сознанія дѣлаетъ боговъ реальностями; въ немъ боги оживаютъ для вѣрующаго и вступаютъ въ живое съ нимъ взаимодействіе. Какъ бы ни обстояло дѣло въ онтологическомъ планѣ,—въ планѣ психологическомъ и гносеологическомъ, не говоря ужъ о методологіи, о порядкѣ *ислѣдованія*, *сперва* стоитъ культъ. *затѣмъ* уже—концепція бога, являющаго себя сознанію своихъ поклонниковъ въ этомъ культѣ, но ни въ коемъ случаѣ—не наоборотъ. Да и откуды бы *ислѣдователь* могъ знать о концепціи бога, независимо отъ культа его? Литургика—*ргіи*с догматики. Соответственно со сказаннымъ, слѣдовало бы Автору расположить свое сочиненіе по такому плану:

Введение, начало главы I, гл. III, гл. IV, гл. II, остальн. часть гл. I, причемъ глава I, поставленная на концѣ, должна быть, по силѣ возможности, сокращена и направлена на *критику* теорій о происхожденіи культа Діониса, а главѣ IV, поставленной теперь на третьемъ мѣстѣ, долженъ быть приданъ наибольшій вѣсъ, поскольку *психологія* оргіи является оправданіемъ культа и источникомъ концепціи самого бога. Можно даже сказать, что если бы потребовалось уничтожить все сочиненіе, кромѣ одной главы, то эту главою должна быть именно глава IV, ибо психологія оргіи, какъ сердце Діониса-младенца, растерзаннаго Титанами, есть кипучая кривница, изъ которой бѣгутъ струи діонисіанства и въ его практикѣ (культъ Діониса), и въ его теоріи (концепція Діониса).

Другіе формальныя недочеты объясняются трудностью выполнить эту слишком обильную заботами работу въ течение короткаго срока одного года. Такъ, Авторъ иногда не выписываетъ цитаты, на которую ссылается. Однако, вѣдь, въ этой литературно-археологической монографіи сырой матеріаль—главное, и трудность ея—именно въ подборкѣ свидѣтельствъ, разбросанныхъ по разнымъ авторамъ и, притомъ, иногда довольно рѣдкимъ. Настоятельно совѣтуемъ г. Наумову, при дальнѣйшей обработкѣ этого сочиненія, приводить рѣшительно *все* цитаты полностью,—если не въ примѣчаніяхъ, то въ приложеніи. Кромѣ того, будетъ, конечно, необходимо расширить кругъ изучаемой литературы, такъ какъ далеко не весь матеріаль является исчерпаннымъ (напомнимъ г. Наумову для примѣра хотя бы про Лукіана самосатскаго, про древнихъ міеологовъ и др.).

Затѣмъ, Авторъ усвоилъ себѣ высококомѣрную привычку приводить греческія и латинскія цитаты (не только подстрочныя, но—и въ текстѣ) безъ перевода, забывая замѣчаніе † В. Болотова о неделикатности требовать отъ читателя чтенія въ подлинникѣ всего матеріала, использованнаго въ сочиненіи. Не говоря, вѣдь, о томъ, что точный переводъ текстовъ нерѣдко невозможенъ безъ специальныхъ словарей, которыхъ можетъ не быть подъ руками, и что, вообще, затруднительно переводить мѣсто, вырванное изъ контекста.—чтеніе работы, которая на добрую треть написана по гречески, требуетъ отъ читателя извѣстнаго напряженія и излишняго труда, а, между тѣмъ, Авторъ легко могъ бы избавить своего читателя и отъ того, и отъ другого. Сошлюсь опять таки на † В. Болотова, въ сочиненіяхъ своихъ всегда дававшего переводъ приводимыхъ цитатъ.

Къ числу формальныхъ же недочетовъ надо отнести и непереносимое для сердца классика написаніе буквы *m* въ тѣхъ, взятыхъ съ греческаго, словахъ, гдѣ стоитъ *θ*, и притомъ же—въ словахъ имѣющихъ значеніе *terminorum technicorum* діонисіанства; такъ, г. Наумовъ пишетъ: автропофагія (стр. 16, 17, 82 и др.), хтоническій (стр. 96 и др.), тіасъ (стр. 140, 247 и др.), тирсъ (стр. 141, 142, 159, 181, 232 и др.), тіады (стр. 71, 181, 184, 228, 229 и др.), Тіанидъ (стр. 225), Элевтеръ (стр. 216) и т. п.

Гораздо серьезнѣе, что Авторъ иногда оставляетъ эпитеты

Діониса безъ перевода и безъ объясненія, какъ на примѣръ, Д. Тианидъ (стр. 225), Д. Элевтеръ (стр. 216), Д. *Λυζήτη* (стр. 223) и др.

Вообще же, надо сказать, что даже при наличномъ матеріалѣ, разбираемое сочиненіе должно было бы быть по крайней мѣрѣ *отрое* больше по объему: причина малыхъ его размѣровъ—не только въ конспективности его изложенія, но и въ отсутствіи анализовъ приводимыхъ текстовъ. Это объясняется тѣмъ, что Авторъ почти не пользуется лингвистическими и филологическими методами изслѣдованія.

Обратимся теперь къ погрѣшностямъ и недочетамъ содержанія. Большая часть погрѣшностей имѣетъ своимъ источникомъ эволюціонистическую предпосылку, повидимому безсознательно усвоенную г. Наумовымъ. Это выражается въ постоянной склонности заговаривать *о происхожденіи* того или иного явленія, опредѣлять сравнительную древность разныхъ его элементовъ, конструировать генезисъ литургическихъ формъ и догматическихъ концепцій, выводить религіозныя явленія изъ явленій инородныхъ, каковы, на примѣръ, условія матеріальной культуры, злоупотреблять натуралистическими аллегоріями при объясненіи мифовъ и, вообще, не считаться съ самостоятельностью и несводимостью религіозной жизни; главная бѣда—въ томъ, что все это дѣлается не вполне сознательно, вслѣдствіе некритическаго пользованія эволюціонной теоріей въ ея принципахъ и даже въ нѣкоторыхъ частныхъ дедукціяхъ, какъ чѣмъ-то безусловно надежнымъ и само собою разумѣющимся, и вслѣдствіе наивнаго смѣшенія историческихъ и археологическихъ методовъ съ эволюціонистической спекуляціей,—упрекъ могущій быть поставленнымъ, къ сожалѣнію, не противъ одного только г. Наумова. Приведемъ примѣры.

Во всѣхъ свидѣтельствахъ, касающихся культа Діониса, различные элементы, какъ „грубые“, такъ и болѣе „мягкіе“, всегда изображаются сосуществующими; полныя или частичныя, а также и символическія жертвоприношенія представлены синхронными жертвоприношеніямъ животнымъ и растительнымъ; „дикое“ изступленіе вовсе не отбрасывается въ даль вѣковъ, а протекаетъ параллельно, или вперемежку съ болѣе мирными и спокойными моментами діонисовой литургии. Самый микроскопическій анализъ текстовъ не

даетъ основаній распредѣлить сообщаемый матеріаль въдоль линіи историческаго становленія, и для научнаго изслѣдователя есть только *одна* возможность,—разсматривать этотъ матеріаль en bloc, гуртомъ. Впрочемъ, изслѣдователь религіозной жизни, конечно, нисколько не удивляется такому положенію дѣла: прямое разсмотрѣніе современныхъ ему,—или изученіе документально и конкретно описанныхъ—, явленій прошлаго показываетъ, что совмѣщеніе разнородныхъ и даже противорѣчивыхъ моментовъ вполне возможно,—мало того, такимъ живетъ религія. Кто не припомнитъ бы случаи, когда мирныя празднества народа, кроткаго и спокойнаго въ обычное время, кончались взрывомъ изступленія? Кто не задумывался надъ взрывомъ страстей, въ иные моменты потрясающихъ интеллигентное общество? Или взять, хотя бы, распространеніе хлыстовства и даже явно-изувѣрнаго скопчества въ утонченномъ великосвѣтскомъ кругу времени Александра I.—Но, полагаясь на эволюціонистическую аксіому о постепенномъ утонченіи культуры и о прогрессивномъ смягченіи нравовъ, г. Наумовъ, не колеблясь, относитъ всѣ болѣе напряженные моменты діонисіанства, а также и связанные съ ними эпитеты и аспекты Діониса, къ эпохѣ архаической, а болѣе безцвѣтные—считаетъ позднѣйшими,—на томъ основаніи, что усматриваетъ въ первыхъ грубость, а во вторыхъ—утонченность.

Такъ, человѣческія жертвоприношенія онъ считаетъ раннѣйшими въ сравненіи съ животными, а въ послѣднихъ видитъ предшественниковъ жертвъ символическихъ. Однако, онъ самъ опровергаетъ свой тезисъ, приводя цѣлый рядъ данныхъ, съ несомнѣнностью доказывающихъ принесеніе человѣческихъ жертвъ во времена весьма позднія (стр. 164 и сл.). Можно даже полагать, что если культъ Діониса, въ самомъ дѣлѣ, развивался, то, вмѣстѣ съ нимъ, развивалась и идея жертвы, и, по мѣрѣ ея углубленія, являлась необходимостью въ литургическихъ актахъ все болѣе и болѣе серьезныхъ, подобно тому какъ это мы наблюдаемъ на еврейскомъ культѣ терафимовъ. Этотъ процессъ могъ совершаться какъ въ общемъ видѣ, въ исторіи народа, такъ и въ качествѣ мѣстнаго явленія, въ жизни отдѣльныхъ лицъ и общинъ. Исторически засвидѣтельствованы случаи, когда постепенное нарастаніе интенсивности религіознаго чувства,

или молитва, все болѣе настойчивая вслѣдствіе безысходности обстоятельствъ, имѣли своимъ коррелятомъ соразмѣрное увеличеніе цѣнности и количества жертвъ, завершаемое переходомъ отъ жертвъ обычныхъ, животныхъ, къ необыкновеннымъ, человѣческимъ жертвамъ. — Съ другой стороны, у натуръ утонченныхъ наблюдается какая-то мало-понятная, но несомнѣнная двойственность: наряду съ очень тонкими и высоко-культурными состояніями и переживаниями идетъ неукротимое стремленіе къ дикости и къ болѣе элементарнымъ и грубымъ сторонамъ человѣческой жизни,— притомъ именно въ формѣ, обнаженной ото всякихъ культурныхъ покрововъ. Такимъ образомъ, чисто - внутреннія силы, породившія діонисіанство, оказываются вполнѣ достаточными для объясненія и его противорѣчивой структуры; поэтому ссылка на генетическую разно-временность отдѣльныхъ сторонъ его, дѣлаемая г. Наумовымъ, не только не доказана имъ, но и излишня.

То же приходится сказать и о другомъ положеніи Автора. а именно, будто бы сложность концепціи Діониса есть результатъ скрещивающихся историческихъ вліяній на эллинскую культуру (стр. 70—71). Хотя такое утвержденіе, само по себѣ, и не является нелѣпостью, однако гораздо болѣе согласовалось бы съ духомъ историко-религіозныхъ изслѣдованій вникнуть, не имѣетъ ли переживаніе діонисическое такой природы, что оно оказывается несоизмѣримымъ со словомъ, съ сознательною рѣчью, и потому всякая попытка дать для него догматическую формулу или миѣическій образъ неизбѣжно влечетъ за собою *одинъ* результатъ: единое въ себѣ діонисическое переживаніе дробится на множество несоединимыхъ другъ съ другомъ и неприводимыхъ другъ къ другу аспектовъ, рассыпается на множество формулъ, противоположныхъ и даже противорѣчивыхъ между собою. Недостаточно-ясное пониманіе возможности такихъ противорѣчій заставило г. Наумова, между прочимъ, нѣсколько затушевать двойственность Діониса, какъ бога любви и бога смерти одновременно. Въ его „смертномъ“ аспектѣ Авторъ старается видѣть видоизмѣненіе аспекта „жизненнаго“ (стр. 100 и слл.). Однако, мы знаемъ, что какъ въ исторіи религій (Кали въ Индіи, богини-матери, Ярила и т. д.), такъ и во вѣвѣ-религіозной психологіи чувство смерти и высшее напря-

женіе полового паюса постоянно сплетаются въ дразнящее дву-единство. Изящная литература давно подмѣтила это сочетаніе чувствъ; Шекспиръ („Ромео и Юлія“), Пушкинъ („Пиръ во время чумы“), Гюи де Мопассанъ—во множествѣ разсказовъ, Мережковскій („Любовь сильнѣе смерти“), Роденбахъ („Прялка тумановъ“), Мельниковъ-Печерскій („Въ лѣсахъ и на горахъ“), Бальмонтъ и Брюсовъ въ своихъ стихахъ, да и множество другихъ поэтовъ дали изображеніе той двойственной психологіи, когда на двѣ кубка половой страсти явно обоняется тлетворный духъ смерти. Опять таки, не дѣло историка религіи объяснять такую двойственность человѣческой души, но несомнѣнно—его прямая обязанность считаться съ нею и привлекать ее къ уразумѣнію религіозныхъ явленій.

Въ связи съ этимъ стоитъ еще любопытное противорѣчіе въ образѣ Діониса, тоже не подчеркнутое г. Наумовымъ. „Діонисъ,—говоритъ онъ (стр. 108)—,—богъ культуры, но не животной, а растительной“. Естественно при этомъ долженъ встать вопросъ: что за таинственная и, какъ будто, нелѣпая связь между „началомъ расторженія“, какъ характеризуетъ Діониса неоплатоникъ Проклъ, и растительнымъ міромъ? И откуда извѣстная противоборственность діонисіанства и животной культуры? Не логичнѣе ли было бы связывать дикость и страстность „правильнаго безумія“ съ міромъ животной жизни?—Но тутъ приходитъ на память Библейское повѣствованіе о Каинѣ и Авелѣ, изъ которыхъ первый—носитель земледѣльческой, безкровной культуры, а второй—пастушеской, кровавой (на эту черту обратилъ вниманіе Байронъ въ своей мистеріи „Каинъ“). Нѣчто аналогичное наблюдается и у гностиковъ различныхъ толковъ, у нашихъ хлыстовъ и др., гдѣ вегетаріанство сочетается съ легкою возбудимостью и съ склонностью къ изступленію. Однимъ словомъ, параллелей тутъ можно было бы подобрать сколько угодно; но важны не онѣ, а то, что указываемое сочетаніе въ самомъ Діонисѣ—вовсе не случайность, а вызывается какою-то внутреннею необходимостью, требованіемъ мифологической правдивости.

Вотъ еще небольшой примѣръ некритическаго пользованія эволюціонными схемами: отмѣчая тотъ фактъ, что оргіи происходили въ дикихъ ущеліяхъ и на горахъ, г. Наумовъ дважды утверждаетъ, что это—пережитокъ древней пещерной

жизни. Но неужели нужно ссылаться на неизвестное прошлое, на пещерный период, который самъ составляет гипотезу, для объясненія обще-извѣстной связи между душевнымъ настроеніемъ и обстановкою? Конечно, въ состояніи діонисическаго „расторженія“ пребывать у семейнаго очага или фланировать по стогнамъ города бываетъ достаточно неудобно,—и „одержимый Вакхомъ“ „бѣжить въ горы“; съ другой стороны, и сама горная природа благопріятствуетъ дикому изступленію.

Такое же стремленіе подмѣнять мало-изслѣдованный х совершенно-неизвѣстнымъ и завѣдомо инороднымъ у-омъ сказываетъ себя и въ отвращеніи г. Наумова отъ прямого и наиболѣе естественнаго смысла мифовъ; положительные факты религіозной жизни превращаются подъ его руками (какъ и у большинства изслѣдователей, по стопамъ которыхъ пробуетъ идти и г. Наумовъ) въ фантастическія и зыблущіяся комбинаціи явленій *внѣ*-религіознаго порядка. Для примѣра укажемъ на пользованіе, вслѣдъ за Куномъ, „грозовою теоріей“ для объясненія мифа о двойномъ рожденіи Діониса. Между тѣмъ, нельзя не видѣть въ разсказѣ объ этомъ двойномъ рожденіи обще-человѣческаго обычая *кувады*,—ритуальнаго воспроизведенія мужемъ родовъ рожавшей въ это время жены и чрезъ это со-участіе въ рожденіи приобщающаго младенца къ мистической сути рода. Что уже въ древности такое пониманіе Діониса, какъ диѳирамба, было ходячимъ, видно изъ 9-го „Разговора боговъ“ Лукіана самосатскаго. Издѣваясь надъ народнымъ вѣрованіемъ, названный писатель изображаетъ разговоръ между Гермесомъ и Посейдономъ, желающимъ войти въ опочивальню Зевса. Гермесъ не пускаетъ.—„Въ добромъ ли здоровѣ Зевсъ?—спрашиваетъ Посейдонъ.—Нѣтъ, совсѣмъ наоборотъ. Зевсъ вотъ сейчасъ родилъ младенца.—Младенца?! Но вѣдь онъ же не былъ тяжелъ?... Можетъ быть, младенецъ родился, какъ Аѳина, изъ его головы?—Вовсе нѣтъ,—а изъ его бедра; это—Семелинъ ребенокъ.—Господи! чего только не бываетъ! А кто—эта Семела?—Да ѳиванка, Кадмова дочка; Зевсъ за ней здорово приударилъ.—Что жъ онъ? изъ галантности взялся родить вмѣсто нея?—Вотъ именно.—Значитъ, Зевсъ—сейчасъ заразъ и отецъ и мать младенца? — Такъ оно и есть. Ну, а теперь мнѣ надобно идти посмотрѣть, не требуюсь ли я ему“.

Къ той же категоріи ошибокъ относится и послѣдній примѣръ, который мы сейчасъ разберемъ,—вопросъ о *происхожденіи* культа Діониса. Тутъ взгляды г. Наумова противорѣчивы. Хотя онъ и дѣлаетъ иногда слабыя попытки стать на правильную точку зрѣнія и, отказавшись отъ исканія „источниковъ“ этого культа, разсматривать его какъ автохтонный и исходящій изъ обще-человѣческой религіозной и психо-физиологической потребности *φύσις καίνοσθαι*, но обычно онъ слишкомъ *внѣшне* понимаетъ между-народныя религіозныя вліянія. Очень грубо выглядываетъ эта тенденція въ слѣдующей его фразѣ: „По мнѣнію Фукара аѳиняне приняли египетскіе обряды, но только съ сокращеніями...“ и т. д. (стр. 215); какъ будто усвоеніе религіи цѣлымъ народомъ есть нѣчто въ родѣ составленія устава акціонернаго общества, который можно механически переносить и сокращать, вычеркивая тотъ или иной параграфъ!

Въ другихъ мѣстахъ г. Наумовъ забываетъ о принятомъ имъ *египетскомъ* происхожденіи культа Діониса и говоритъ о *пра-арійскомъ* происхожденіи его, увѣренно ссылаясь на средне-азіатскую родину пра-арійцевъ,—опять ссылка на гипотезу! Гипотезы о пра-арійскомъ происхожденіи культа Діониса онъ вовсе не обосновываетъ; что же до первой, египетской, то главнымъ источникомъ для обоснованій ея служатъ Геродотъ и Діодоръ сицилійскій, оба—завзятые египтоманы, имѣющіе склонность чуть ли ни всѣ явленія греческой жизни выводить изъ темнаго и, вѣроятно, потому завлекательнаго для нихъ Египта. Что же касается до чертъ сходства, усматриваемыхъ Геродотомъ, Фукаромъ и Наумовымъ въ таинствахъ Озириса и Діониса, то онѣ могутъ быть указаны и въ культурахъ многихъ другихъ народовъ, такъ что всецѣло объясняются законами обще-человѣческой религіозной психологіи. Напротивъ, основаніе, которое можно было бы, пожалуй, привести въ пользу египетской гипотезы, г. Наумовъ именно и не приводитъ; разумѣю несомнѣнно-доказанныя въ послѣднее время сношенія архаической Греціи съ Египтомъ. Однако, если ужъ пойти на то, чтобы признать здѣсь историческія вліянія, то они, вѣроятнѣе всего, были какъ разъ обратными тому, какъ это думаетъ, г. Наумовъ, ибо центромъ культуры въ ту отдаленную эпоху была,—вѣрнѣе всего—, Критская эалассократія, а не Египеть, и слѣды ея культур-

ной радіації усматриваються по всей береговой линіи Эгейскаго и Средиземнаго морей. Въ частности,—можно было бы г. Наумову остановить свое вниманіе на критскихъ тріэтеридяхъ, на критскомъ культѣ быка (быкъ—аспектъ Діониса); любопытно одно изображеніе (найденное, помнится, при кносскихъ раскопкахъ), гдѣ представлена религіозная церемонія, совершаемая людьми съ бычьими головами,—очевидно литургами въ бычьихъ маскахъ (вакхи?), что составляетъ обычную литургическую форму тотемизма. Вообще, явное незнакомство г. Наумова съ критскими раскопками послѣднихъ двухъ десятилѣтій и, въ особенности, послѣднихъ годовъ сослужило ему весьма скверную службу: „исходъ греческаго средневѣковья“ г. Наумовъ считаетъ за *начало* эллинской исторіи и потому для него оказывается слишкомъ соблазнительной широкая возможность проектировать на эту „до-историческую“ *tabula rasa* всевозможныя спекуляціи, не находящія себѣ оправданія въ періодъ исторической жизни. Но, на самомъ дѣлѣ, этотъ „до-историческій“ періодъ вовсе не такъ пустуетъ, чтобы изслѣдователю можно было рассчитывать на свободныя мѣста въ немъ для своихъ предположеній, и не настолько беспросвѣтно теменъ, чтобы на него можно было валить, какъ на мертваго, все что угодно. Для г. Наумова, какъ и для многихъ современныхъ изслѣдователей, повидимому не совсѣмъ ясно различіе категорій „возможнаго“ и „дѣйствительнаго“, хотя о важности этого различія въ историческихъ изысканіяхъ говорилъ уже Шеллингъ въ своемъ „Введеніи въ философію міеологии“ (Schelling-Sämmtliche Werke, 2-te Abth., 1-te Bd). Но, примѣнительно къ данному случаю, не приходится разсуждать даже и о *возможности* извѣстныхъ построеній. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ „до-историческій“ періодъ вовсе не такъ первобытно-грубъ, какъ это нужно было бы для эволюціонныхъ спекуляцій; если омофагія кажется г. Наумову не ко времени за нѣсколько сотъ лѣтъ до Рождества Христова, то съ этой точки зрѣнія тѣмъ менѣе она можетъ быть признана подходящею къ вѣку Миноса, когда реалистическое искусство достигло такого процвѣтанія, какого оно не достигало и въ *ἀρχή* своей жизни; когда керамика дала прекраснѣйшія образцы своей дѣятельности; когда кносскія дамы, декольтированныя и туго-затянутыя, ходили въ физмахъ и въ хитро-взбитыхъ

куаффюрахъ, на подобіе нашихъ прабабушекъ. Неужели это или „подходить“ терзать зубами живого быка, убивать изступленнаго жреца или поѣдать сырьемъ человѣческое мясо?! И такъ—многое другое предстало бы совсѣмъ въ новомъ освѣщеніи, если бы г. Наумовъ принялъ во вниманіе, что греческая исторія начинается за нѣсколько тысячъ лѣтъ ранѣе того, чѣмъ это полагали еще не такъ давно. А свести счеты съ Кноссомъ и Фестомъ въ данномъ случаѣ было тѣмъ болѣе необходимо, что одинъ изъ древнѣйшихъ очаговъ діонисіанства можно подозрѣвать именно въ Критѣ.

Весьма существенный недостатокъ сочиненія г. Наумова представляетъ невыясненность *полового* аспекта Діониса. Правда, въ нѣсколькихъ мѣстахъ тутъ говорится вскользь о фаллофоріяхъ; но при этомъ читатель выноситъ такое впечатлѣніе, какъ будто эти процессіи—одинъ изъ вторичныхъ обрядовъ культа. Глубочайшая же связь оргазма съ сексуальностью—вовсе не затронута,—вопросъ тѣмъ большаго интереса, что, не смотря на высокую степень напряженности полового стремленія, у вакховъ, равно какъ и у хлыстовъ, вообще говоря, *не было разврата*, и таковой *не* относится къ сущности діонисическаго изступленія. О томъ свидѣтельствуетъ Еврипидъ устами мудраго прорицателя Тирезія:

*οὐκ ὁ Διόνυσος σωφρονεῖν ἀπερχάσσι
γυναικας εἰς τὴν Κύβην, ἀλλ' ἐν τῇ φύσει
τὸ σωφρονεῖν ἔρεβτιν εἰς τὰ παντ' αἰεί.
τοῦτο σκοπεῖν χορὴ καὶ γὰρ ἐν Βακχεύμασιν
οὐδ' ἢ γέ σόφρων οὐ διαφθαρήσεται,—*

„не Діонисъ заставляеть женщинъ держаться Киприды, нѣтъ; въ его природѣ—быть сдержаннымъ всегда во всемъ. Это должно принимать по вниманіе; и, конечно, будучи на вакханаліяхъ, сдержанная женщина не будетъ растлѣна“ (Eurip. Bacchae, ex rec. Aug. Nauckii, 314—318).

Повидимому и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ крайне любопытной *антиноміей* (изступленіе - сдержанность, разженіе - цѣломудріе) діонисіанства.

Вслѣдствіе общей невыясненности полового аспекта Діониса остаются мертвымъ балластомъ въ разбираемомъ сочиненіи весьма важныя и содержательныя подробности о бычьемъ и быко-видномъ аспектѣ Діониса, о смыслѣ отношеній Діо-

ниса къ Деметръ и къ Реѣ, о природѣ Семелы (*Σεμέλη* — Земля?), о женственной и почти гермафродитической природѣ его, о его жено-видности, а иногда—дву-полости, о сущности и литургическихъ формахъ мистическаго брака Діониса съ „царицею“, о томъ, что дѣлалось на „тайныхъ служеніяхъ“ въ честь Діониса (стр. 211, 226, 233; да и правилень ли Наумовскій переводъ *ἑσθίαι: ἀπόρρητος* чрезъ „тайное служеніе“? Не точнѣ ли передать этотъ терминъ чрезъ слово „невыразимое“, „несказанное“, *ineffabilis, inenarrabilis*,—въ томъ смыслѣ, что эти служенія, по существу своему, неспособны быть выражены человѣческими словами; въ послѣднемъ обстоятельствѣ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо всякія „выхожденія изъ себя“ помнятсѣ удивительно слабо). Нужно пожалѣть вообще, что нашъ Авторъ мало вникаетъ въ мелкія черточки,— быть можетъ, болѣе поучительныя, нежели общія очертанія, и, во всякомъ случаѣ, безконечно болѣе цѣнныя, чѣмъ всѣ гипотезы на гипотезахъ и спекуляціи на эволюціонистическую тему вмѣстѣ взятыя:

- - - ein Kerl, der Speculirt,
Ist wie ein Thier, auf dürrer Heide
Von einem bösen Geist im Kreis herum geführt,
Und rings umher liegt schöne grüne Weide.

Такою „*schöne grüne Weide*“ являются, напримѣръ, мистическіе символы, употреблявшіеся въ культѣ Діониса: г. Наумовъ только перечисляетъ ихъ, да и то—въ примѣчаніи, нисколько не выясняя ихъ смысла; знаменитыя же „игрушки Діониса“, на которыхъ строились цѣлыя философы, какъ въ древности (Платонъ въ „Тимей“, неоплатоники и др.), такъ и въ эпоху Возрожденія и въ наше время (Е. П. Блаватская и современные теософы), онъ не даетъ себѣ труда даже и перечислить (стр. 234).

Точно также не затронуто весьма важное соотношеніе между діонисическимъ культомъ и происхожденіемъ трагедіи и комедіи—съ одной стороны, и между діонисическимъ культомъ и Академіей—съ другой, хотя для послѣдняго уже и въ самомъ сочиненіи можно найти не мало данныхъ.

Рецензентъ, впрочемъ, затрудняется указывать даже не выясненные или недостаточно выясненные пункты разбираемаго сочиненія, потому что не исключена возможность и того, что г. Наумовъ отлагалъ выясненіе кое-чего до по-

слѣдней главы, имъ почти не написанный (хотя нужно сказать и то, что едва ли эти вопросы были бы къ мѣсту въ главѣ, посвященной психологіи оргіи). Не стоитъ также останавливаться на мелочахъ, въ родѣ двусмысленнаго опредѣленія времени („около времени солнцестоянія“, стр. 227) или неосмотрительной ссылки (стр. 34—35) на мнѣніе Плу-тарха,—писателя эпохи Феокразіи—, о природѣ Діониса, при разборѣ вопросовъ о самомъ возникновеніи концепціи этого бога, и т. д. и т. д.

Въ заключеніе рецензентъ считаетъ долгомъ своимъ заявить, что многочисленность критическихъ замѣчаній, сдѣланныхъ въ этомъ отзывѣ, обусловлена вовсе не недостаточностью сочиненія г. Наумова, какъ работы на степень кандидата богословія, а высокимъ уровнемъ предъявленныхъ требованій. Рецензентъ, увѣренный въ томъ, что г. Наумовъ не оставитъ своей полезной работы и подвергнетъ ее дальнѣйшему усовершенствованію, желалъ съ своей стороны по силѣ возможности оказать помощь въ этой переработкѣ и намѣтить тѣ стороны, гдѣ переработка нужнѣе всего. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ сочиненіе г. Наумова должно быть признано добросовѣстнымъ и вдумчивымъ, такъ что оно вполне заслуживаетъ высшаго балла“.

6) Исправляющаго должность доцента священника Евгенія Воронцова о сочиненіи студента *Попова Петра* на тему: „Семейство въ іудейской древности“:

„Сочиненіе г. Попова написано по слѣдующему плану: послѣ небольшого вступленія, въ значительной мѣрѣ наполненнаго безцѣльными разсужденіями о значеніи Библіи, какъ историческаго источника, авторъ излагаетъ Библейскія данныя о составѣ и бытѣ древне-еврейской семьи по 3 эпохамъ: допатріархальной, патріархальной и подзаконной (отъ Моисея до Ездры). Первая глава въ изслѣдованіи г. Попова (семейство допатріархальнаго времени) не имѣетъ частнѣйшихъ рубрикъ въ виду небольшого количества матеріала, предлагаемаго Библіею относительно этого періода (до 10 стиха XI главы книги Бытія), вторая же глава даетъ такую группировку Библейскихъ свѣдѣній о семьѣ: 1) составъ семьи, 2) права и обязанности патріарха, 3) положеніе остальныхъ членовъ семьи, 4) привилегіи первороднаго и